ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

12

ДЕКАБРЬ. 1961 DECEMBER

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.
Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Поученіе въ день Рождества Христова протоіерея о. Іоанна Кронштадтскаго. ... 3
Назиданіе и утѣшеніе, преподаваемое христіанину событіемъ Рождества Христова. Св. Ефрема Сирина. ... 5
Ясли вмѣстилище, въ нихже возлеже Невмѣстимый. Стихотвореніе Анны Самойловичъ. ... 7
Виѳлеемъ. Схимонаха Саввы. ... 8
Чистый звонъ, веселый звонъ... Стихотвореніе Е. П. ... 9
Молитва Божіей Матери. Стихотвореніе Людмилы Земцевой. 10
Рождественскій сочельникъ въ палатѣ № 14. Разсказъ Софіи Зайцевой. ... 11
Въ ночь съ 24-го на 25-ое декабря. Г. Вагапова. ... 13
О смерти прот. о. Леонида Кроткова на Бѣломорскомъ каналѣ и священника о. Павла Панкѣева въ Тираспольской тюрьмѣ (окончаніе). Архим. Серафима (Вербина). ... 17
Чему насъ учитъ народная мудрость? ... 20
Какъ прежде. Стихотвореніе В. Утренева. ... 22

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Рождество Христово. Стихотвореніе Киры Л. ... 23
Житіе св. Спиридона епископа Тримифунтскаго. М. В. ... 24

Училище благочестія.

Уроки по Пастырскому Богословію для лицъ, желающихъ принять священство (продолженіе). Протопр. В. Бощановскаго. 28

Законъ Божій

для семьи и школы

со многими иллюстраціями (около 300).

Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**

Въ книгѣ 576 страницъ.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Приложеніе къ учебнику ЗАКОНА БОЖІЯ того же автора

Краткій сборникъ статей апологетическаго содержанія.

(въ помощь родителямъ и воспитателямъ).

Цѣна при учебникѣ 50 ¢., въ отдѣльной продажѣ $ 1.-

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ПРОТОІЕРЕЯ о. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

"Слава въ вишнихъ Богу и на земли миръ: во человѣцѣхъ благоволеніе" (Лук. 2, 14).

Это пѣснь Богу вочеловѣчившемуся — Младенцу Христу — воспѣтая сонмомъ Ангеловъ на землѣ, при Его рождествѣ. Кратка пѣснь, но смыслъ и значеніе ея премудры и много содержательны. Въ ней заключена и открыта намъ тайна вочеловѣченія Сына Божія для спасенія міра. Этой тайнѣ удивилось всякое естество ангельское, по словамъ Церкви.

Но гдѣ же миръ на землѣ, который возвѣстили Ангелы пастырямъ Виѳлеемскимъ?

Въ самомъ Іерусалимѣ, градѣ Давидовомъ, въ которомъ былъ храмъ живому Богу, не было мира, и когда волхвы, пришедшіе съ востока въ Іерусалимъ, спрашивали: гдѣ есть родившійся Царь Іудейскій, — то отъ одного этого извѣстія пришелъ въ смятеніе и Иродъ царь и весь Іерусалимъ съ нимъ. Во всемірной державѣ Римской въ то время не было мира. Современники въ мрачныхъ краскахъ описываютъ нравственное паденіе народовъ, искаженіе образа Божія въ людяхъ. Всякая скверна и беззаконія въявь творились. Идолопоклонство замѣнило служеніе единому Богу. Беззаконія, срамоты, пресыщеніе, пьянство, составляли блага земныя и цѣль и стремленія человѣчества. Вражда, междоусобицы, нестроеніе царили повсюду. Гордость, безчеловѣч-

ность, всѣ виды порока растлѣвали общественную и семейную жизнь. Въ послѣдующія времена было не лучше: страшныя гоненія на вѣрующихъ во Христа въ продолженіе трехъ столѣтій залили всю землю кровію христіанскихъ мучениковъ: братъ предавалъ брата, отецъ жену и дѣтей, дѣти — родителей на мученія; человѣческія отношенія, кровныя узы, родство, все было поругано и попрано. Въ самомъ Іерусалимѣ была мерзость запустѣнія.

И въ наши времена потрясаются общества и царства, продолжаются международныя и междоусобныя разногласія и войны, ереси и расколы, заговоры, преступныя зловредныя ученія, усиливающіяся ниспровергнуть вѣковыя государственыя учрежденія и основы общежитія: семейнаго, гражданскаго и религіознаго. Злодѣйство простираетъ святотатственную руку на помазанниковъ Божіихъ, которымъ Самимъ Богомъ вручены народы; изверги хотятъ на священномъ прахѣ ихъ водворить безвѣріе, разрушить государство, семью и законъ подъ видомъ равенства и братства. Гдѣ же миръ, на землѣ, возвѣщенный Ангелами? Гдѣ же миръ, принесенный Богочеловѣкомъ на землю? Гдѣ же миръ, который возвѣщаетъ Евангеліе и проповѣдь Апостоловъ, пронесенная ими изъ конца въ конецъ земли, между всѣми народами и царствами? Въ мірѣ нѣтъ его: **міръ весь во злѣ лежитъ,** сказалъ Апостолъ (I Іоан. **5,** 19).

Вотъ тайна воспѣтая Ангелами: съ Пришествіемъ Сына Божія, на землѣ воцаренъ миръ сначала въ маломъ избранномъ стадѣ: въ церкви Его, въ Апостолахъ, которымъ Онъ многократно предавалъ этотъ миръ, а потомъ во всемъ царствѣ благодати или Церкви Его, распространившейся по всей землѣ. Да, братія, на землѣ основано Господомъ цѣлое царство мира Божія, царство вѣчное, всемірное, благоустроенное, съ законами, уставами, таинствами, съ порядкомъ служенія, правилами жизни, отношеніями взаимными: это царство — есть святая, православная Апостольская Церковь, въ которой почиваетъ всегда миръ и радость о Дусѣ Святѣ, благодать Господа нашего Іисуса Христа и любовь Бога Отца. Правда, Церковь Божія на землѣ всегда была подъ крестомъ, всегда гонима, озлобляема, но тѣмъ не менѣе она всегда обладала внутреннимъ, благодатнымъ миромъ, даже среди величайшихъ гоненій; потому что въ ней всегда былъ и будетъ Богъ, избавляющій ее отъ всѣхъ бѣдствій, по слову Своему, что **врата адовы не одолѣютъ ей** (Матѳ. **16,** 18); и потому всякій истинно вѣрующій и исполняющій заповѣди Христовы, всякій истинно кающійся грѣшникъ имѣетъ внутри себя миръ Христовъ, котораго никакія внѣшнія треволненія міра сего нарушить не могутъ, если онъ самъ своею волею не вступитъ снова на путь без-

законія и грѣха. Поэтому, если царства земныя и вообще гражданскія общества желаютъ достичь и водворить миръ, принесенный на землю Царемъ правды, мира и любви, Господомъ Іисусомъ Христомъ, то они должны быть въ тѣсномъ союзѣ съ царствомъ Господа, или съ Церковью Его святою на землѣ, должны покоряться заповѣдямъ Іисуса Христа и уставамъ Церкви Его; а въ случаѣ ихъ нарушенія, немедленно исправляться, послѣ искренняго сознанія своихъ ошибокъ и беззаконій. Члены государства, исповѣдующіе христіанскую вѣру, должны быть добрыми, честными и искренно преданными членами Церкви. Нарушеніе этого союза между Церковью и государствомъ, или его гражданами, пренебреженіе вѣрою, заповѣдями и Евангеліемъ порождаютъ безвѣріе и всякіе безпорядки въ обществѣ, всякіе пороки, повергаютъ общества въ нравственное или политическое безсиліе, лишаютъ его благословенія небеснаго. Наше отечество, великая Россія, всегда была въ тѣсномъ союзѣ съ Церковью, и только въ этомъ союзѣ она возрасла, окрѣпла и взошла на высокую степень могущества и славы. Дай Богъ, чтобы этотъ союзъ государства съ Церковью, — съ этимъ царствомъ мира и впредь продолжался непрерывно: тогда Россія всегда будетъ царствомъ мира, и на ней будетъ почивать благословеніе Божіе; тогда никакая крамола въ Россіи не будетъ страшна, потому что не найдетъ нигдѣ ни мѣста ни пріюта. Да воцарится въ сердцахъ нашихъ Христосъ Господь и съ Нимъ да царствуетъ миръ и благословеніе. Аминь.

Назиданіе и утѣшеніе, преподаваемое христіанину событіемъ Рождества Христова.

(Св. Ефрема Сирина).

Чистая настоящая ночь, въ которую явился Чистый, пришедшій очистить насъ! Пусть же и слухъ нашъ будетъ чистъ, и взоръ очей нашихъ цѣломудренъ, и сердечное чувство свято, и слово устъ искренно. Настоящая ночь есть ночь примиренія: поэтому никто не гнѣвайся на брата и не оскорбляй его. Сія ночь даровала миръ цѣлому міру; итакъ, никто не угрожай; это — ночь Кротчайшаго, — никто не будь жестокъ; это ночь Смиреннаго, — никто не гордись. Нынѣ день радости, — не будемъ мстить за обиды; нынѣ день благоволенія, — не будемъ жестокими. Въ

сей день тишины не станемъ обуреваться гнѣвомъ. Сегодня Богъ пришелъ къ грѣшникамъ, — не превозносись же, праведникъ, предъ грѣшнымъ! Сегодня Пребогатый обнищалъ ради насъ; пригласи же, богатый, бѣднаго за свою трапезу. Сегодня мы получили даръ, коего не просили; будемъ же подавать милостыню тѣмъ, которые взываютъ къ намъ и просятъ. Нынѣшній день отверзъ небесную дверь молитвамъ нашимъ: отворимъ и мы дверь свою просящимъ у насъ прощенія. Нынѣ Божество положило на Себя печать человѣчества, чтобы и человѣчество украсилось печатью Божества.

Благословенъ Младенецъ, возвеселившій нынѣ Виѳлеемъ! Благословенно Отроча, даровавшее нынѣ человѣчеству юность! Благословенъ Плодъ, склонившійся нынѣ къ алчущимъ! Благословенъ Богатый, внезапно обогатившій нашу нищету! Благодареніе Источнику, Который изліялся для нашего очищенія! Благодареніе Милосердому, Который понесъ на Себѣ наше жестокосердіе! Хвала Тому, Кто не имѣетъ никакой нужды въ нашихъ похвалахъ, но жаждетъ ихъ, потому что насъ любитъ, — требуетъ, чтобы мы Его славили, чтобы потомъ наградить насъ; о, Благій, не требующій отъ насъ сверхъ нашихъ силъ! Ты — море славы, не имѣющее нужды въ нашемъ прославленіи! Пріими же по благости Твоей и сію каплю славословія, потому что Ты Своею благодатію побудилъ языкъ мой восхвалить Тебя!

Всѣ члены мои, всѣ чувства, воздайте благодареніе Тому, Кто пришелъ и оживотворилъ все тѣло! Вышній сталъ младенцемъ, но въ Немъ сокрылось сокровище премудрости, достаточное для всѣхъ. Вышній питался млекомъ Маріинымъ, а по Его благости питаются всѣ твари! Нѣмотствовалъ Онъ, какъ младенецъ, но всей твари изрекалъ заповѣди Свои! Его сила обнимала и державшую Его въ Своихъ объятіяхъ; а если бы Онъ отнялъ силу Свою, то рушилось бы все! — Марія давала Ему млеко, Ему млеко, которое Онъ Самъ образовалъ; давала пищу, которую Самъ Онъ сотворилъ. Какъ Богъ, подавалъ Онъ Маріи млеко, и какъ человѣкъ питался Ея млекомъ. Ея руки носили Его потому, что Онъ сокрылъ могущество Свое; Ея лоно держало Его потому, что Онъ умалилъ Себя.

Покойся въ тишинѣ на лонѣ Матери Твоей, о, Сынъ Превознесеннаго! — Кому подобенъ Ты, радостный, достолюбезный? Матерь Твоя — Дѣва цѣломудренная, Отецъ Твой незримъ даже и для Серафимовъ. Кому подобенъ Ты? Повѣдай намъ сіе, о Сынъ Милосердаго!

Приходитъ ли кто, обремененный заботами? Увидитъ онъ Тебя, — и бѣгутъ всѣ тревоги отъ него! Подавленъ ли кто горестію? При Тебѣ забываетъ онъ горесть свою. При Тебѣ голодный забываетъ о пищѣ и путникъ о пути. Отецъ Твой Давидъ воспѣлъ прежде пришествія Твоего пѣснь, что будетъ Тебѣ принесено аравійское злато, и вотъ это исполняется еще во дни младенчества Твоего.

"Носилъ Меня Младенецъ, Котораго носила Я", — говорила Марія, — "преклонилъ Онъ Свои крыла и Меня подъялъ на крылахъ Своихъ...

У кого есть сынъ? Пусть приходитъ онъ и будетъ братомъ Моему Возлюбленному. У кого есть дочь? Пусть приходитъ она и будетъ невѣстой Моему Безцѣнному. Желайте, непорочныя души, чтобы Возлюбленный Мой обиталъ въ васъ; желайте и вы, осквернившіеся, чтобы Онъ освятилъ васъ. Приходите, слѣпые, и пріимите свѣтъ очей. Приходите, хромые, пріимите крѣпость ногъ. Приходите, косноязычные и нѣмые, пріимите даръ слова. Приходите, не владѣющіе руками, пріимите силу въ рукахъ. У Создателева Сына сокровищница полна всякихъ врачеваній. Стекайтесь, прокаженные, принимайте очищеніе безъ труда: Онъ очищаетъ не какъ Елисей, повелѣвшій семь разъ омыться въ рѣкѣ. Онъ не утомляетъ омовеніями, какъ ветхозавѣтные іереи. И вы, странники и чуждые, спѣшите къ великому Врачу. Никого не чуждается Сынъ Царевъ — Господь всяческихъ!

ЯСЛИ ВМѢСТИЛИЩЕ, ВЪ НИХЖЕ ВОЗЛЕЖЕ НЕВМѢСТИМЫЙ.

Отчего среди гордыни міра
Ликъ Божественный изъ яслей возсіялъ?
Отчего не въ золотой порфирѣ
Всемогущій Богъ-Младенецъ возлежалъ?

Не чертоги царскіе тепло Ему давали,
Не свѣтильники горѣли на столахъ,
Безсловесныя дыханьемъ согрѣвали,
Звѣзды Божіи горѣли въ небесахъ.

На охранѣ не было когорты,
Не сверкали грозные мечи
Царской стражи, бдительной и гордой,
Чтобъ Небеснаго Младенца стерегчи.

Не регаліи Царя предъ Нимъ лежали,
Какъ наслѣдіе Предвѣчнаго Отца:
Муки крестной смерти Его ждали
И шипы терноваго вѣнца

Такъ Любовь съ смиреніемъ блаженнымъ.
Въ міръ вошла — и побѣдила міръ.
Съ Нею свѣтъ, пришелъ ко всей вселенной,
И гордыни побѣжденъ кумиръ.

Богоносная, смиренная земля родная
О тебѣ кто на чужбинѣ не рыдалъ?
Невечерній Свѣтъ твой путь да озаряетъ,
Что изъ ясель Бога-Слова возсіялъ

Анна Самойловичъ.

ВИѲЛЕЕМЪ.

Виѳлеемъ отъ Іерусалима на западъ въ разстояніи двухъ часовъ пути. А гдѣ были пастушки — отъ Виѳлеема полчаса. "Пастыріе бѣху въ той же странѣ бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ, и се Ангелъ Господень ста въ нихъ и слава Господня осія ихъ. И рече имъ Ангелъ: благовѣствую вамъ радость велію яже будетъ всѣмъ людемъ: яко родися вамъ днесь Спасъ иже есть Христосъ Господь . . . Се вамъ знаменіе; обрящете младенца повита лежаща въ яслехъ. И внезапу бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголящихъ: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. И пріидоша и обрѣтоша Маріамь и Іосифа, и младенца лежаща въ яслехъ. Видѣвше же сказаше о глаголѣ, глаголаннѣмъ имъ о отрочати семъ . . . Маріамь же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы своемъ" (Лук. 2, 8-19).

Въ пещерѣ, гдѣ пастушки были, тамъ — православная церковь, а въ городѣ Виѳлеемѣ ни одной мечети нѣтъ. Большое селеніе Беджалы — всѣ арабы православные, и церковь большая.

Въ пещерѣ, гдѣ Господь родился, церковь православная. Гдѣ Господь возлежалъ, Богомладенецъ — тамъ Звѣзда мѣдная. Все напоминаетъ, какъ было. Здѣсь все было — Богомладенецъ родился, и волхвы принесли дары . . . Здѣсь и въ окрестностяхъ младенцевъ избивали — первые святые мученики за Христа. Здѣсь, въ сей пещерѣ, какъ воспѣваетъ Святая Церковь: "Таинство странное вижу и преславное, Небо — вертепъ, Престолъ Херувимскій — Дѣву, ясли — вмѣстилище, въ нихже возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ, Егоже воспѣвающе величаемъ".

Когда мы поемъ въ церкви, или въ душѣ, въ сердцѣ — то должны видѣть вѣрою. "Таинство странное вижу". Вѣра есть (по катехизису) вещей извѣщеніе невидимыхъ. Уже не вертепъ видимъ, а Небо, Престолъ Херувимскій — Дѣву. Когда такъ увидимъ, тогда увидимъ Господа — Богомладенца, возсѣдающимъ, какъ на Престолѣ Херувимскомъ, на объятіяхъ у Пречистой Преблагословенной Приснодѣвы, Матери Своей. Увидимъ и возрадуемся, какъ сказалъ Господь на Тайной Вечери апостоламъ: "Паки узрю вы и возрадуется сердце ваше и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ" (Ін. 16, 22). Тогда явится любовь ко Господу, и кого сподобитъ Господь, тотъ воскликнетъ къ Богу: кто ны отлучитъ отъ любви Твоея — скорбь, ли, гоненіе ли — сіе намъ всѣмъ предстоитъ! Но не убоимся, ниже устрашимся — мы въ Церкви нашей, Зарубежной, нашего первоіерарха, блаженнѣйшаго Анастасія, и сѵнода его. Повѣрьте мнѣ! У меня былъ "кормчій", и слѣдилъ, чтобы умереть въ Православіи. Онъ говорилъ: "Какъ себѣ, такъ и всѣмъ желаю — не выходить изъ нашей Церкви, а кто по незнанію вышелъ — возвратиться. Ты потерялъ много — вѣдь вѣчность насъ ожидаетъ всѣхъ. Св. Златоустъ говорилъ: аще кто неправильно вѣруетъ, хотя и хорошо живетъ, погибнетъ, аще кто и правильно вѣруетъ,

но, нераскаянный, нехорошо живетъ — погибнетъ. Итакъ — всѣ мы грѣшные. Но если каемся дома и въ церковь ходимъ и обидящимъ прощаемъ — то мы Божіи: здѣсь еще на землѣ, возрадуемся о Бозѣ радостію неизреченною — какъ возрадовались волхвы евангельскіе, увидѣвши Звѣзду, какъ она опустилась, гдѣ обрѣтается Отроча...

И какъ было имъ не радоваться, когда еще нѣсколько минутъ — и они у цѣли своего долгаго путешествія! "И пришедше въ храмину, видѣша отроча съ Маріею Матерію Его, и падше поклонишася Ему..." Увидѣли они Отроча, можетъ быть, еще въ ясляхъ, въ простотѣ и бѣдности, только съ Маріей — даже объ Іосифѣ св. Евангелистъ Матѳей не упоминаетъ. Но, несмотря на эту бѣдность, волхвы, какъ увидѣли, такъ сейчасъ же поклонились, и принесли дары — злато и ливанъ и смѵрну. Св. Димитрій Ростовскій говоритъ, что Матерь Божія изъ того злата почти все раздала такимъ же бѣднымъ, какъ она Сама, мало нѣчто на путь оставила...

Волхвы чистымъ сердцемъ сразу постигли Тайну, какъ и Св. Предтеча Іоаннъ, еще въ чревѣ матери, радостнымъ взыграніемъ привѣтствовалъ, приближаясь къ Нему, Богомладенца — находившагося тогда еще въ чревѣ Матери Своей...

Безъ очищенія чувствъ и сердца Бога не узримъ. Блажени чистые сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Такъ и на Пасху поемъ: "очистимъ чувства и узримъ..."

Первое слово по воскресеніи Господь сказалъ: "Радуйтесь!" Св. Апостолъ говорилъ: "Радуйтесь о Господѣ и паки реку радуйтесь!"

Приготовьтесь же молитвою, постомъ, исповѣдью — и тогда, очищенные, истинно возрадуетесь о Господѣ!

Схимонахъ Савва.

*
* *

Чистый звонъ, веселый звонъ
Раздается съ колоколенъ,
И несется по полямъ,
Бодръ, и радостенъ, и воленъ!

Въ переливахъ, въ перезвонахъ
Въ высь душа летѣть готова...
Въ синихъ даляхъ звонъ веселый
Отзывается намъ снова.

Такъ поетъ, такъ зоветъ
За собою ввысь,
Что невольно всей душою —
Съ нимъ бы унеслись!

Е. П.

МОЛИТВА БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Зрѣли на небѣ звѣзду путеводную
Старцы-волхвы, что, съ Христовымъ рожденіемъ,
Шли отдать должное Имъ поклоненіе —
Дѣвой Маріей Пречистой Рожденному,
Старцу Іосифу съ Дѣвой Пречистою.
Съ Сыномъ Ея, нашимъ Богомъ-Спасителемъ,
Былъ Ангелъ Божій. Дорогу тернистую
Онъ освѣщалъ. И, о ней съ умиленіемъ
Мы помышляя, Царица Небесная,
Просимъ на нашемъ пути облегченія.
Дѣва Пречистая, Дѣва Бозгрѣшная
Руку спасенія простри унывающимъ,
Крылья для павшихъ дай, душъ обезкрыленныхъ,
Горькія слезы отри всѣмъ рыдающимъ
И поддержи всѣхъ больныхъ, обезсиленныхъ
Души, сердца, другъ о другѣ скорбящія,
Соедини вновь, услыши моленія!
О Пресвятая и Чудотворящая,
Просимъ намъ, бѣднымъ, дать чуда явленіе:
Нашу отчизну, истекшую кровію,
Русской вновь сдѣлай, дай ей воскресеніе,
Души людскія исполни любовію!
Дай православной Руси обновленіе,
Сдѣлай ее вновь святою и вольною,
Снова богатою Божьими храмами,
Гдѣ возсылали-бъ сердца богомольныя
Богу молитвы свои съ ѳиміамами.
Будь къ бѣглецамъ, по чужой землѣ странникамъ,
Ты милостива, какъ прежде, Пречистая!
Только съ Тобою намъ, бѣднымъ изгнанникамъ,
Въ жизни дорога не столь ужъ тернистая.
О помоги! Возврати милость Божію
Намъ, бѣглецамъ, по отчизнѣ рыдающимъ,
Намъ, недостойнымъ, прильнувшимъ къ подножію,
Съ радостью всею душой Тебя славящимъ!
Радуйся, нищихъ, убогихъ призрѣніе!
Сиротъ и вдовъ покрываешь ты скромныхъ!
Радуйся, старцевъ сѣдыхъ утѣшеніе,
Свѣта Обитель всѣхъ странныхъ, бездомныхъ.

Переложила Икосъ Акаѳиста Божіей Матери Свѣтлой Обители Странниковъ Бездомныхъ

Людмила Земцева.

Рождественскій сочельникъ въ палатѣ № 14*).

РАЗСКАЗЪ.

Палата № 14 совсѣмъ по особенному встрѣтила праздникъ Рождества Христова. Было это въ Константинополѣ, въ самомъ первокласномъ французскомъ госпиталѣ. Профессоръ Де ля Маръ — награжденный всяческими отличіями за труды и доблесть, проявленныя на только что окончившейся войнѣ — былъ назначенъ старшимъ врочомъ этого госпиталя. Чувствовалъ онъ себя въ немъ скорѣе, какъ капитанъ большого военнаго судна. Ему безусловно и безоговорочно подчинялись всѣ: даже сестры-францисканки въ огромныхъ, бѣлыхъ, крылатыхъ, накрахмаленныхъ головныхъ уборахъ, всегда внѣшне-податливыя и смиренныя, а внутренне — непоколебимо настойчивыя, не находили словъ оправданія, если онъ бывалъ ими почему нибудь недоволенъ. Боялся его и весь медицинскій персоналъ.

По утрамъ, около 10-ти часовъ, огромный гонгъ въ вестибюлѣ главнаго корпуса протяжно и гулко возвѣщалъ пятью ударами о пріѣздѣ профессора. Сѣрый, плоскій автомобиль, тяжело раздавливая гравій на главной аллеѣ парка, подъѣзжалъ къ подъѣзду. Привратникъ, садовникъ, случайно пробѣгавшій мимо санитаръ — всѣ испуганно-настороженно замирали въ поклонѣ, пока профессоръ Де ля Маръ — высокій, стройный, подвижной человѣкъ съ сѣдыми волосами и совсѣмъ еще молодымъ лицомъ — выходилъ изъ автомобиля. Съ шумомъ захлопнувъ за собою дверцу и приложивъ руку къ козырьку голубой фуражки, онъ поспѣшно взбѣгалъ по ступенькамъ на крыльцо параднаго входа. Въ вестибюлѣ навытяжку стояла прислуга швейцарской. По лѣстницѣ внизъ, торопливо сбѣгали ему навстрѣчу младшіе врачи и сестры. Въ дверяхъ канцеляріи выстраивались конторщики и разсыльные-гарсоны.

Когда профессоръ Де ля Маръ въ бѣлоснѣжномъ халатѣ поверхъ голубого мундира, въ черной атласной тибетейкѣ на сѣдыхъ волосахъ, чуть скрипя мягкими, высокими, кожаными офицерскими сапогами, входилъ въ палаты — почтительно и тоже немного испуганно привѣтствовали его и больные...

Послѣ эвакуаціи добровольцами Крыма и наплыва эмигрантовъ, онъ неожиданно для всѣхъ распорядился принимать больныхъ русскихъ безплатно и отвелъ имъ койки въ двухъ большихъ смежныхъ палатахъ. Одной изъ нихъ и была палата № 14. Администрація и сестры удивились и, вѣроятно, даже огорчились, но никто не рискнулъ ослушаться.

Конецъ декабря былъ безпросвѣтно дождливъ и туманенъ... Въ полдень, выздоравливающіе выходили съ сестрами въ паркъ, бродили среди поникшей, потемнѣвшей, засырѣвшей зелени, напряженно глядѣли вдаль на Золотой Рогъ, на извилистую прибрежную линію великолѣпныхъ двор-

*) «Хлѣбъ Небесный» 1942 г.

цовъ и мечетей... Молочная мгла и туманъ скрывали отъ глазъ всю необыкновенную перспективу моря и сказочную красоту города. Русскіе больные цѣлыми вечерами просиживали другъ у друга на кроватяхъ и съ грустью шептали другъ другу о снѣжной зимѣ въ Кіевѣ, въ Москвѣ, или Петербургѣ, о благовѣстѣ Казанскаго собора, о сумеркахъ въ Кремлевскомъ саду, о торжественныхъ службахъ въ церквахъ въ эти великіе дни Рождественскаго поста.

12-тилѣтняя Рита Мухина, лежавшая безъ движенія на койкѣ у самыхъ дверей палаты, не говорила вовсе: только засовывала кончикъ куцой косички себѣ въ ротъ и безпомощно вздыхала. Были въ палатѣ и больныя гречанки. Онѣ безразлично и совсѣмъ безучастно смотрѣли круглыми черными глазами на безпокойныхъ русскихъ, а грузная турчанка-банщица, сосѣдка Риты, даже сердилась на нихъ за болтовню и суетливость.

Отошли католическіе праздники Рождества, миновалъ день Новаго года. Русскіе больные получили наравнѣ со всѣми и скромные подарки отъ сестеръ-монахинь, и усиленный паекъ отъ администраціи больницы. Сдержанно поблагодарили и пріумолкли.

6-го января, утромъ русскіе попросили сестеръ не безпокоиться объ ихъ утреннемъ завтракѣ. Сестры запротестовали, разсердились и, какъ было положено въ обычные дни, принесли и разставили по тумбочкамъ кружки съ кофе и булочки-подковки. Однако, никто изъ русскихъ къ кофе не притронулся. Все раздѣлили между другими больными. Потомъ, тѣ, кто могли ходить, просили разрѣшенія поѣхать ко всенощной въ Посольскую церковь. Больничная администрація отнеслась къ этому... какъ къ "блажи".

Вѣдь, уже разъ справили Рождество, и довольно! Получили подарки, получили угощеніе. Даже пальма въ углу палаты стояла въ напоминаніе о елкѣ!

Русскіе настаивали на своемъ. Тогда имъ пригрозили... профессоромъ Де ля Маръ. Обѣщали немедленно вызвать его сюда и разсказать про все: про утреннюю "голодовку", про отказъ отъ пищи до появленія первой звѣзды. Упрекали русскихъ въ неблагодарности за благодѣянія, оказанныя имъ профессоромъ Де ля Маръ и больницей. "Возстаніе" было подавлено.

Наступили сумерки. Въ палатѣ № 14 была полная тишина. Русскіе не суетились и не шептались на кроватяхъ другъ у друга въ этотъ вечеръ. И вдругъ когда сестра Мадленъ пришла, чтобы задернуть занавѣски и зажечь лампу надъ дверью, изъ глубины палаты раздался дѣтскій надтреснутый больной голосокъ Риты.

— Звѣзды, звѣзды, смотрите, уже звѣзды загораются!

"Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ..." — громко, увѣренно запѣла женщина съ перевязанной головой и встала въ постели на колѣни, держась обѣими руками за изголовье.

— Тише, тише, что это? Вы потеряли разсудокъ? — испуганно воскликнула сестра Мадлэнъ и бросилась къ ея постели.

Но изъ всѣхъ концовъ комнаты "неблагодарныя" русскія, нарушая больничный порядокъ, громко и вдохновенно пѣли никому, кромѣ нихъ, незнакомую пѣснь... Сестрѣ Мадлэнъ пришлось плотно закрыть двери и забиться въ уголъ въ ожиданіи катастрофы.

Когда профессоръ Де ля Маръ, вызванный въ этотъ вечеръ на срочную операцію, поспѣшилъ на шумъ въ верхній коридоръ, въ палату № 14 — онъ засталъ необыкновенную картину.

Передъ нимъ и передъ на смерть перепуганнымъ персоналомъ, сидя и лежа на постеляхъ, глядя на образки, висѣвшіе у изголовій, безъ всякаго смущенія, пожалуй, даже протестующе-увѣренно, пѣли русскія женщины и дѣвушки по нѣсколько разъ подрядъ вдохновенныя молитвенныя пѣсни. Непонятными, замысловатыми, неуловимо-трудными казались слова: "Рождество Твое, Христе, Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума!.."

Профессоръ Де ля Маръ молча слушалъ ихъ, стоя въ дверяхъ. Потомъ онъ наклонился къ дѣвочкѣ съ куцой косичкой, по отечески ласково приподнялъ ее на подушкахъ. А когда кончили пѣть — тихо и взволнованно сказалъ:

— Поздравляю васъ всѣхъ съ наступленіемъ торжественнаго дня, который вы съ такою необыкновенною вѣрою и любовью встрѣчаете. Желаю вамъ всѣмъ здоровья, бодрости и душевныхъ силъ.

И потомъ, обратившись къ персоналу, добавилъ:

— Пусть дѣлаютъ сейчасъ все такъ, какъ онѣ находятъ нужнымъ... Не удерживайте ихъ и помогите имъ встрѣтить праздникъ, какъ онѣ хотятъ.

Софія Зайцева.

Въ ночь съ 24-го на 25-ое декабря.

Обычно по четвергамъ у насъ въ домѣ собираются знакомые и не знакомые православные русскіе люди для духовной бесѣды. Пріѣзжаетъ архіерей или одинъ изъ священниковъ нашей приходской церкви. Они и ведутъ бесѣду.

Но вотъ однажды, никто изъ духовныхъ лицъ пріѣхать не смогъ. Что было дѣлать? Читать вслухъ? Нѣтъ, это не живое слово. Да и опасно соскользнуть съ пути истины, во время преній, пускаясь въ философскія разсужденія. Рѣшили такъ: пусть, кто хочетъ или можетъ, разскажетъ какой-нибудь случай изъ своей жизни духовно-религіознаго характера, не считаясь ни со стилемъ ни со степенью краснорѣчія. Никто не рѣшался. Видно и хотѣлось кое-кому разсказать, да боялись, вдругъ выйдетъ не гладко.

"Хорошо, господа, я разскажу", заявилъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ, первый разъ появившійся въ нашемъ обществѣ. Высокій, очень крѣпко сложенный, среднихъ лѣтъ, съ грубоватыми чертами лица, но съ добрыми, ласковыми, почти дѣтскими, голубыми глазами.

Онъ поставилъ условіе: разсказывать будетъ не отъ собственнаго имени и проситъ, по окончаніи разсказа, не задавать никакихъ вопросовъ.

Мы, конечно, приняли эти условія, хоть и не поняли, къ чему это. Точно его слова передать не могу, но вотъ содержаніе его разсказа:

— Зимняя морозная ночь на крайнемъ сѣверѣ, далеко за полярнымъ кругомъ, тамъ, гдѣ зимой ночь — и днемъ и ночью, лѣтомъ день — и ночью и днемъ.

На верху, гдѣ стоитъ норвежскій городъ Киркенесъ бушуетъ снѣжная мятель подъ безоблачнымъ чернымъ небомъ. Нестерпимый холодъ. Вѣтеръ обжигаетъ лицо. Трудно дышать. Спустишься въ долину, широкую, мѣстами поросшую густымъ тонкостволымъ лѣсомъ,климатъ рѣзко мѣняется. Безвѣтренно, тихо. Морозъ сухой, какой-то мягкій, такъ и хочется сказать — ласковый. На стальномъ небѣ яркія, рѣзко очерченныя звѣзды.

Въ долинѣ причудливо-красиво раскинулось озеро, теперь покрытое снѣжной скатертью. Здѣсь мѣстечко Сванвикъ. Собственно, и мѣстечкомъ назвать его нельзя — одна крестьянская изба у самаго озера на небольшой возвышенности. Но большая изба — двухъэтажная.

Въ просторной горницѣ у крестьянской семьи елка. Мерцаютъ огоньки маленькихъ разноцвѣтныхъ свѣчекъ. Наверху, во второмъ этажѣ, у жарко натопленной печки сидитъ совѣтскій летчикъ, молодой голубоглазый парень, свѣтловолосый, съ румянцемъ на матовыхъ щекахъ. Его наканунѣ сбили во время воздушнаго боя. Когда это было? Сколько дней прошло? Въ томъ-то и дѣло, что дня то не было, одна сплошная ночь. Онъ долго бродилъ, одинъ въ глуши, промерзшій, голодный, пока не увидѣлъ вдали огоньки. Пошелъ на "авось" — что будетъ то будетъ. Оказалась изба норвежскаго крестьянина. Попросился на ночлегъ. Хмурый хозяинъ что-то промямлилъ. Въ его словахъ послышались родные русскіе звуки, но летчикъ ничего не понялъ. Хозяинъ взялъ его за руку, отвелъ наверхъ. Печь растопилъ. Принесъ дымящійся супъ — что-то похожее на русскій борщъ, но съ кусками рыбы. И, слова не молвивъ больше, ушелъ къ себѣ внизъ, гдѣ слышны были дѣтскіе голоса и незнакомый говоръ взрослыхъ.

"Почему у нихъ елка горитъ? Вѣдь ихъ Рождество давно прошло!" — хотѣлось пойти спросить. "Да нѣтъ, не понять намъ другъ друга!" Такъ и остался сидѣть у раскаленной желѣзной печки.

"Рождество Христово!" — Онъ снисходительно улыбнулся. "Пусть себѣ тѣшатся на здоровье!" Когда-то въ далекомъ дѣтствѣ онъ слышалъ эту "сказку" отъ бабушки-старушки. Но умерла бабушка, умерла и сказка. Вспомнилась бабушка, вспомнилась и сказка. Красивая сказка, что и говорить! Тамъ, на родинѣ, онъ скорбѣлъ въ душѣ, глядя на преслѣдова-

нія церкви и лицъ духовнаго сана. За что? Вѣдь это только милая безобидная сказка! Мы то знаемъ, что жизнь — матерія, насъ съ толку не собьешь. Пусть бы и она существовала, вѣдь съ ней легче было бы жить. Взять хотя бы хозяина и его семью. Кто я имъ? Положимъ не врагъ, но и не другъ. А вотъ приняли же, не пошли доносить нѣмцамъ, не понуждаютъ, а вѣдь рискъ какой на себя берутъ".

Такія отвлеченныя мысли не долго занимали его досугъ. Вспомнилась родина, маленькій глухой городокъ на Волгѣ. Семья, можетъ быть, за чайнымъ столомъ. Домашній уютъ. Стало тоскливо. Онъ медленно поднялся со стула, бездумно поднялъ полушубокъ, мѣховую шапку, мѣховыя перчатки. Тихо спустился по лѣстницѣ и вышелъ побродить по окрестностямъ, благо, въ такую ночь не встрѣтишь ни души.

Шелъ, погруженный въ тоскливыя думы. Не замѣтилъ, какъ очнулся въ лѣсу. Елка не елка, сосна не сосна, не разберешь, что за щуплое дерево! Въ этой глуши могильная тишина. Онъ одинъ нарушаетъ ее, невольно обламывая вѣтки, да и снѣгъ скрипитъ подъ ногами.

Безцѣльное блужданіе какъ будто утишило душевную тоску. Онъ часто мѣнялъ направленіе, то вправо, то влѣво, точно велъ его кто-то. Забрался вглубь лѣса. Тутъ только опомнился. Надо возвращаться, а то не мудрено и заблудиться. "Куда же теперь итти? Въ какую сторону? Да вотъ же та звѣзда, что у меня за спиной была, когда я вышелъ. Значитъ, къ ней и итти! Виѳлеемская звѣзда". — Вспомнилась ему милая сказка.

Онъ двинулся въ томъ направленіи. Шелъ долго. Казалось, давно пора выйти изъ лѣса, да что-то онъ не рѣдѣетъ. Взяло сомнѣніе... Разсердился на звѣзду, на сказку. Но направленія не измѣнилъ. "Все равно пропадать, не вѣкъ же оставаться у хозяина. Не сегодня-завтра придется явиться въ нѣмецкую комендатуру, а тамъ одинъ конецъ!"

"Какъ конецъ?" — произнесъ онъ вслухъ послѣднее слово нѣмой бесѣды съ самимъ собой. Невольно охватила неясная тревога. Онъ какъ-то сразу ослабъ.

Сѣлъ на заснѣженный пень. Прислонился къ соснѣ. Какъ странно! Почудилось: человѣческая фигурка сидитъ рядомъ. Онъ снялъ перчатку. Осторожно дотронулся до сосѣда. Тотъ не шевельнулся. Ощупалъ лицо. "Такъ и есть — человѣкъ! Кажись дѣвочка! Лицо холодное. Ужели замерзла?" Сталъ тормошить. Не отзывается. Вскочилъ. Растираетъ снѣгомъ щеки. Глубокій вздохъ... Тихій стонъ: "Ach, varum!"

"Что ты, дѣтка, аль заблудилась?" — взволновано зашепталъ онъ. Почему зашепталъ? Почему не сказалъ громко? То-ли оттого, что дѣвочка все равно не пойметъ, то-ли отъ невѣдомой тайны, приведшей его къ въ снѣгу замерзавшему ребенку. "Вотъ тебѣ и жизнь — матерія!"

Дѣвочка снова закрыла глаза, но онъ не далъ ей заснуть. Поднялъ, взялъ на руки, крѣпко прижалъ къ груди, своимъ дыханіемъ согрѣвая ея лицо. Она постепенно приходила въ себя. Слабыми руками уперлась въ грудь. Онъ выпустилъ ее.

"Wer bist Du?", — припомнилъ летчикъ слова когда-то заученныя въ школѣ.

"Марина Петерсъ", слабымъ голосомъ отвѣтила дѣвочка.

"Марина?! — можетъ ты и по-русски говоришь?"

"Да" — послѣдовалъ односложный робкій отвѣтъ.

"Вотъ это хорошо!" — обрадовался летчикъ. "Гдѣ ты живешь?"

"Въ Киркенесъ."

"Такъ идемъ, я провожу тебя!"

"Нѣтъ, не хочу. Зачѣмъ вы меня разбудили, мнѣ было такъ хорошо!"

"Что ты, Марочка! Знаешь, ты не хочешь, но хочетъ Богъ. И я не хотѣлъ итти сюда. Богъ привелъ. Идемъ! Такъ хочетъ Богъ!"

Какъ случилось, что онъ, коммунистъ, совѣтскій летчикъ, нашелъ слова, побудившія девяти-лѣтнюю Марину безпрекословно взять его за руку, итти туда, куда поведетъ Господь?

Они пошли, оріентирусь на ту же звѣзду, что привела его къ замерзавшей дѣвочкѣ. Бродили не долго. Вышли изъ лѣса. Поднялись въ Киркенесъ.

По дорогѣ Марина сначала молчала. Онъ не разспрашивалъ. Когда стали подниматься въ гору, она заговорила. Слово за слово разсказала свое горе.

Отецъ ея балтійскій нѣмецъ, мать русская, урожденная княжна. Они всѣ втроемъ начали украшать елку. Неожиданно произошла ссора между матерью и отцомъ. Изъ-за чего, Марина не поняла. Часто упоминалось имя Гитлера. Мать съ гнѣвомъ произносила это имя. Отецъ сначала посмѣивался. Потомъ вдругъ разсердился. Въ сердцахъ рванулъ елку. Она упала. Разбились игрушки, разсыпались пряники и конфеты. Марина заплакала. Сквозь рыданія вырвалось роковое слово — "проклятый Гитлеръ!" — не сознавала, что говорила. Отецъ измѣнился въ лицѣ. Схватилъ ремень и больно отстегалъ ее. Первый разъ въ жизни. Такого позора она снести не могла. Родители не замѣтили, какъ она одѣлась и ушла изъ дому. Долго бродила въ лѣсу. Устала. Присѣла и какъ-то заснула. Теперь ей было страшно итти домой. "Но сегодня Рождество. Христосъ заступится!"

Они подошли къ одноэтажному дому. Въ окно лился свѣтъ. Неубранная, не украшенная елка стояла въ углу. На колѣняхъ, передъ иконой, закрывъ лицо руками, рыдала женщина.

Летчикъ осторожно постучалъ въ окно. Женщина вздрогнула всемъ тѣломъ. Оглянулась. Молодое, заплаканное лицо нервно подергивалось. Нехотя встала съ колѣнъ. Подошла къ окну. Разглядѣла молодого здороваго парня. Испуганно отпрянула.

"Не бойтесь, я привелъ вамъ вашу дочь!"

"Марина!" — отчаянно крикнула женщина и бросилась къ двери. Мигъ . . . Мать и дочь лежали въ объятіяхъ другъ друга. Обѣ рыдали.

Вернулся съ поисковъ и отецъ. Онъ долго бродилъ по лѣсу, разыски-

вая Марину. Не найдя, въ полномъ отчаяніи, измученный, возвращался домой. Онъ порывисто бросился къ Маринѣ, крѣпко сжалъ въ своихъ объятіяхъ, не въ силахъ произнести ни одного слова. Даже у летчика на глаза навернулись слезы.

Онъ хотѣлъ уйти. Его упросили остаться. Быстро украсили елку всѣ вмѣстѣ. Радовались, то и дѣло цѣлуя другъ друга. На столѣ появилось обильное угощеніе. Мать Марины красивымъ низкимъ голосомъ пропѣла трижды "Рождество Твое Христе Боже нашъ..."

Разсказчикъ замолчалъ. Въ комнатѣ воцарилась полнѣйшая тишина, пока кто-то со вздохомъ произнесъ: "Да...". Тогда всѣ заговорили разомъ.

Г. Вагаповъ.

О смерти прот. о. Леонида Кроткова на Бѣломорскомъ каналѣ и священника о. Павла Панкѣева въ Тираспольской тюрьмѣ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ, ОТБЫВАВШАГО СРОКЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ НА БѢЛОМОРСКОМЪ КАНАЛѢ ВЪ ЗАОНѢЖЬѢ.

(Окончаніе).

Работая въ санчасти, батюшка познакомился въ лагерѣ съ молодымъ священникомъ, племянникомъ М. Калинина отъ сестры. Въ дѣтствѣ онъ часто болѣлъ. Мать по обѣту отвезла его на годъ въ Соловецкую обитель, гдѣ онъ благодаря сильному альту пѣлъ на клиросѣ, канонаршилъ и изучилъ уставъ. Хотѣлъ остаться въ братіи. Но, по желанію матери, онъ окончилъ семинарію и сталъ священникомъ Тверской епархіи и, какъ служитель культа, попалъ на Бѣломорскій каналъ. На вопросъ батюшки, почему онъ не напишетъ своему дядюшкѣ о помилованіи, сказалъ: «Мама отъ себя лично просила его, на что онъ отвѣтилъ: «Нужно было раньше объ этомъ думать, и не лѣзть въ попы». А я не желаю унижать свое достоинство: съ просьбой обращаться къ лакею. Вѣрю, что призвавшій меня къ Своему служенію Господь, не оставитъ Своею милостью».

Однажды въ лагерѣ былъ такой случай. Прорабъ пришелъ въ лѣсъ провѣрить работу бригады «уркагановъ», которые схватили его, связали, отпилили голову и принесли въ политическій баракъ, на страхъ «врагамъ народа», поставили на столъ, а трупъ закрыли вѣтками. И такому звѣрству не было ни суда, ни слѣдствія, потому что онъ былъ изъ раскулаченныхъ. А когда одинъ изъ заключенныхъ выругалъ чекиста, то неизвѣстно куда его дѣли. Особая слѣжка была за духовными лицами. Но въ то же время, сами безчестные, аморальные. кровожадные, чекисты отъ другихъ требовали честности и правды, — конечно, къ нимъ и для нихъ.

Батюшка хотя жилъ въ одномъ баракѣ съ владыкой, но они всегда избѣгали быть вмѣстѣ, дабы не дать повода рыскающимъ сексотамъ для доносовъ, которыми они заслуживали у чекистовъ довѣріе. Только въ исключительныхъ случаяхъ приходилось бесѣдовать отрывками съ нимъ.

Однажды владыка напугалъ батюшку при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Послѣ окончанія работы, когда батюшка со второго этажа сходилъ внизъ по лѣстницѣ на перекличку, вдругъ сзади услышалъ голосъ владыки: «Да будетъ вамъ извѣстно, что митрополитъ Кіевскій Антоній (Храповицкій) почилъ въ Бѣлградѣ». Батюшка остановился оглянулся назадъ и увидѣлъ владыку съ бумагами, а за нимъ военнаго въ формѣ ГПУ и пришелъ въ ужасъ, думая, что владыка не замѣтилъ подошедшаго къ нему чекиста и выпалилъ такую бомбу, батюшка ничего не отвѣтилъ. Только въ баракѣ, когда всѣ ушли за чечевичной похлебкой, улучилъ минутку объяснить владыкѣ свое удивленіе и недоумѣніе. Владыка сказалъ: «Здѣсь ничего нѣтъ опаснаго. Это нашъ старый кадровый офицеръ, въ первые годы революціи его выслали въ Повѣнецъ, а когда большевики формировали армію, то его привлекли къ работѣ — обучать новобранцевъ. За долгіе годы службы онъ пріобрѣлъ довѣріе и до сего дня не лишенъ его». — «А какъ онъ узналъ о смерти митрополита Антонія?» — «У него есть знакомые моряки, которые бываютъ заграницей. Я бывалъ у нихъ въ домѣ, они очень вѣрующіе люди, когда нибудь познакомлю васъ съ ними». И вотъ такая исключительно печальная новость проникла черезъ моря, горы, лѣса и штыки ГПУ, въ глухія дебри Заонѣжья, къ «врагамъ народа». Да, поистинѣ: «Ничтоже бо есть покровенно, еже не открыется, и тайно, еже не увѣдѣно будетъ» (Мѳ. 10, 26).

Во время процесса Тухачевскаго и самоубійства Гамарника былъ такой курьезный фактъ. Изъ центра была получена телеграмма: «Во всѣхъ лагеряхъ снять накомарники и немедленно доставить въ отдѣленіе ГПУ». Въ лѣтнее время, когда безъ накомарника не было возможности показать носа въ лѣсу, отъ нападающихъ тучами комаровъ и скниповъ, вдругъ такое дикое распоряженіе, ведущее за собою болѣзни, невыполненіе нормы и плана пятилѣтки. Но передъ непогрѣшимымъ центромъ и большіе начальники не рисковали открыть ротъ. Накомарники были сняты, и доставлены въ базу снабженія. И только въ концѣ лѣта обратили вниманіе на минимальную лѣсозаготовку и повальную болѣзнь работающихъ въ лѣсу. Начали искать козловъ отпущенія. ГПУ свалило на заключенныхъ врачей, а потомъ на почту, которая провѣряется ГПУ. Когда дѣло дошло до центра, то оказалось, что Московское ГПУ лаконически телеграфировало: «Снять во всѣхъ лагеряхъ врага народа Гомарника», т. е. портреты и памятники. А Медвѣжегорское ГПУ распорядилось: «Снять во всѣхъ лагеряхъ съ враговъ народа накомарники».

Во время Ежовщины въ Медвѣжегорскѣ по приказу заключенные набросили петлю на памятникъ наркома Ягоды, и съ удовольствіемъ стащили вчерашняго совѣтскаго кумира съ пьедестала. А че-

резъ непродолжительное время и лагеря чувствовали процессы маршаловъ и ежовщину. До этого въ Повѣнецъ на работу водилъ всѣхъ одинъ стрѣлокъ, а во время Ежовщины до зубовъ вооруженные — 10 стрѣлковъ. Причемъ въ продолженіе мѣсяца въ техническомъ и другихъ баракахъ по ночамъ производили по 2 и по 3 раза въ ночь обыски.

Въ этотъ террористическій періодъ у добрѣйшаго врача, работавшей въ лагерномъ Госпиталѣ 1-го шлюза Надежды Павловны Рябушинской, чекисты обнаружили давно полученное отъ брата письмо изъ заграницы, зашитое въ тепломъ одѣялѣ. Въ тотъ же день восемь лѣтъ отбывавшую заключеніе подъ строгимъ конвоемъ отправили въ Медвѣжью Гору, въ особый слѣдственный изоляторъ. Тогда же говорили, что и сестру Надежды Павловны, Александру Павловну изъ Пяльмы, гдѣ она въ заключеніи завѣдывала столовой, отправили въ тотъ же изоляторъ. Впослѣдствіи говорили, что ихъ отправили на Колыму, а по другимъ версіямъ — разстрѣляли, какъ неспособныхъ къ совѣтскому перевоспитанію. Въ то же время распространялись слухи о строгой изоляціи всѣхъ политическихъ заключенныхъ, т. е. съ 58-ой статьей Совѣтскаго Кодекса.

Въ дни первомайской тризны когда большіе начальники уѣхали въ Медвѣжью Гору присоединить свой предательскій голосъ къ разстрѣлу своихъ вчерашнихъ вельможъ: Бухарина, Рыкова, Тухачевскаго и др., мѣстные ГПУ бѣсновались въ Повѣнцѣ и заключенные въ количествѣ около 5 тысячъ сидѣли и отдыхали въ баракахъ, которые съ трехъ сторонъ были окружены высокимъ заборомъ и колючей проволокой, четвертая сторона прилегала къ Онѣжскому озеру. Дворъ лагеря былъ загроможденъ валунами и пнями спиленныхъ деревьевъ: даже внутри бараковъ лежали большіе камни-валуны, которые иногда превращались въ табуретку совѣтскими «попугаями». Батюшка вышелъ изъ барака и направился къ озеру, но въ кустахъ замѣтилъ о. Леонида и направился къ нему. Поглядѣвъ на «Галилейское море», вспомнили Одессу, Ананьевъ, Тираспольскую тюрьму и умершаго въ ней о. Павла Панкѣева. Затѣмъ о. Леонидъ разсказалъ безпокоившую его новость: «Минутъ за 15 до вашего прихода я стоялъ на этомъ пнѣ и смотрѣлъ на озеро, думая о своихъ близкихъ, вспоминалъ живопись надъ входными западными дверями собора: «Насыщеніе Христомъ пяти тысячъ человѣкъ въ пустынѣ». Мысленно молился, чтобы Господь и нынѣ насыщалъ моихъ родныхъ, оставшихся безъ средствъ. Въ этотъ моментъ я замѣтилъ, что летѣвшая небольшая птичка сѣла на мою открытую голову, холодныя ея ножки я чувствовалъ и не шевелился, дабы не спугнуть милую пташку, черезъ минуту она вспорхнула и со щебетомъ улетѣла... Такое небывалое въ жизни явленіе меня крайнѣ озадачило, буквально, не знаю, гдѣ искать объясненія. Одновременно чувствую, что это не случайное явленіе, а что-то сверхъестественное...». — «Да, это явленіе необыкновенное. Оно имѣетъ таинственную связь съ Библійскимъ сновидѣніемъ виночерпія и хлѣбодара (Быт. 40, 8). А потому для объясненія сего явленія нужно просить Іосифа Прекраснаго, проданнаго братьями за 20 сребренниковъ въ Египетъ. Но Богъ былъ съ нимъ. Да будетъ милость

Божія и съ вами», — сказалъ батюшка. На третій день, послѣ сильнаго сердечнаго припадка о. Леонидъ скончался. Похороны его какъ и всѣхъ заключенныхъ совершились неизвѣстно какъ. Только одно было слышно, что его похоронили на Повѣнецкомъ городскомъ кладбищѣ, которое батюшка издали видѣлъ безъ крестовъ и памятниковъ, когда проѣзжалъ на грузовикѣ мимо, послѣ своего освобожденія 20 сентября въ день Св. Великомученика Евстафія Плакиды, 1939 года.

Вѣчная память Протоіерею Леониду и всѣмъ православнымъ въ заключеніи скончавшимся.

Послѣ процесса Бухарина, Тухачевскаго и др. всѣхъ заключенныхъ изъ Соловецкаго острова перевели на материкъ, а Соловки превратили въ спеціальный лагерь для заключенія партійцевъ и военныхъ. А изъ лагерей на материкѣ многихъ съ 58-ой статьей отправили на Колыму, а стариковъ перевели въ изоляторъ на УЧПП, близъ м-ка Челмужи, гдѣ всѣ безъ исключенія должны работать на окоркѣ балановъ и погрузкѣ ихъ на пароходы для отправки заграницу. По слухамъ владыку Варсонофія, несмотря на 60 лѣтній возрастъ, отправили на Колыму.

На УЧПП батюшка отъ соловчанъ многое слышалъ о бѣсовскомъ террорѣ на островѣ, объ изоляторѣ на Заячьемъ лагерѣ, о 4.000 заключенныхъ людоѣдахъ близъ Кеми и о другихъ звѣрствахъ совѣтской власти...

Послѣ отбытія каторжнаго пятилѣтняго заключенія батюшку «освободили» съ минусомъ: на 100 верстъ не приближаться къ 33 городамъ и къ пограничнымъ селеніямъ, съ явкой каждую недѣлю въ мѣстное ГПУ.

Уже прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, а кошмарные сны прошлаго повторяются до нынѣ. Но милость Божія не оставляетъ насъ.

Архимандритъ Серафимъ (Вербинъ).

Чему насъ учитъ народная мудрость?

Не худо, что просфора въ полпуда.
Лучина съ вѣрою — чѣмъ не свѣча?
«Дай Богъ» — хорошо, а «Слава Богу» — лучше!
Каковъ до Бога, таковъ и отъ Бога.
Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится.
Кому Церковь не мать, тому Богъ не Отецъ.
Суда Божія околицею не объѣдешь.
Что Богу не угодно, то негодно.
Злой человѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ: Богъ его попутаетъ.
Какъ ни хорони концовъ, а Богъ найдетъ.
Какъ ни путай, а Божья воля распутаетъ.
Ни Богъ тебя, ни ты Его не обманешь.

Богъ видитъ, кто кого обидитъ.
Кто кого обидитъ, — того Богъ ненавидитъ.
Суди Богъ того, кто обидитъ кого.
Богъ за худое плательщикъ.
Богъ виноватого найдетъ.
Кого Богъ наказать хочетъ, у того отнимаетъ разумъ.
Богъ долго ждетъ (т. е. терпитъ) да больно бьетъ.
Богъ терпитъ до конца, да и мучитъ безъ конца.
Какъ самъ другихъ судишь, — такъ и судимъ будешь.
Не суди другихъ, не осудишься отъ нихъ.
Другихъ не суди, на себя погляди!
Нѣтъ хлѣба дороже, какъ на просфорѣ, а золота — какъ на крестѣ.
Знай себя — и будетъ съ тебя.
Большая мудрость — самого себя знать.
Чего хвалить не умѣешь, того не хули.
Другимъ дивились, а сами обломились.
Не тотъ богатъ, кто милости творитъ, а тотъ богатъ, кто никого не обидитъ.
Обидѣть легко, да душѣ каково!
Лучше самому терпѣть, чѣмъ другихъ обижать.
Лучше жить въ тѣснотѣ, чѣмъ въ обидѣ (ближняго).
Лежачаго не бьютъ.
Плохо того бить, кто не противится.
Врагъ хочетъ голову снять, а Богъ волоса не даетъ.
Душа — Божья.
Душа дороже всего...
Руку, ногу переломишь — сживется, а душу переломишь — не сживется.
Не криви душой: кривобокъ на тотъ свѣтъ уйдешь.
Душа душу знаетъ — сердце сердцу вѣсть подаетъ.
Душа — вѣра, совѣсть — порука.
Хоть мошна пуста, да душа чиста.
Хоть изба елова, да душа здорова.
Богъ души не возьметъ, сама не выйдетъ.
Отдать Богу душу.
Чужая душа — потемки.
Душа — тѣлу спорница.
Вѣра наша тверда и права, вѣра христіанская.
Вѣра — даръ Божій.
Вѣра спасаетъ.
Съ вѣрой нигдѣ не пропадешь.
Хороша вѣра да у дѣла.
Вѣру къ дѣлу примѣняй, а дѣло къ вѣрѣ.
Безъ вѣры Господь не избавитъ, безъ правды не исправитъ.
Безъ дѣлъ вѣра мертва предъ Богомъ.
Безъ вѣры живутъ на этомъ свѣтѣ, а на томъ не проживешь.
Кто безъ крестовъ (безъ натѣльнаго креста, или безъ скорбей), тотъ не Христовъ.

Отъ Бога отказаться — къ сатанѣ пристать.

Отпалъ бѣсъ вѣры, не познавши своей мѣры (т. е. сатана возмечталъ, чтобы ему поклонялись какъ Богу).

Бѣденъ бѣсъ, что у него Бога нѣтъ.

Къ вечерни въ колоколъ — всю работу объ уголъ.

Не хлѣбомъ живи, а молитвою.

Молитва — полпути къ Богу.

Коротка молитва Отче нашъ, да спасаетъ.

Не для Бога молитва, а для нашего убожества.

Богу молиться — всегда пригодится.

Свѣтъ въ храминѣ отъ свѣчи, а въ душѣ отъ молитвы.

Что бы ни пришло, все молись.

Одно проси: Господи прости!

За Богомъ пойтить — Божье и творить.

Богъ — Одинъ, да молельщики не одинаковы.

Всякъ крестится, да не всякъ молится.

Молитва безъ любви не бываетъ услышана.

Молись, а злыхъ дѣлъ берегись.

Дома спасайся, а въ церковь ходи.

Молитва мѣста не ищетъ.

Вездѣ можно молиться, а въ церкви не тѣснись впередъ!

Церковное стяжаніе — Божіе.

На балалайку станетъ, и на кабакъ станетъ, а на свѣчку не станетъ.

День святъ — и дѣла спятъ.

Всяка душа празднику рада.

Дуракъ Божьихъ дней не разбираетъ.

Кто Богу угоденъ, тотъ и людямъ пріятенъ.

То не спасенье, кто пьянъ въ Воскресенье!

КАКЪ ПРЕЖДЕ.

Въ день Рождества святаго на разсвѣтѣ
Взгляни, какъ солнце всходитъ надъ землей,
Какъ будто блещетъ вновь изъ тьмы столѣтній
Дня незакатнаго тотъ Свѣточъ неземной.
Огнями радуги, брильянтовъ и сапфировъ,
Цвѣтеньемъ розъ сіяетъ небосводъ,
Какъ будто всѣ цвѣта, всѣ краски міра
Такъ свѣтло празднуютъ святаго дня восходъ.
Хоть міръ во злѣ лежитъ, хоть сатана тамъ правитъ,
И цѣпи рабства кузнецы его куютъ,
Но родъ людской Христа, какъ прежде, славитъ,
И въ небесахъ о Немъ и на землѣ поютъ.

В. Утреневъ.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

На перепись изъ Назарета
Марія съ Іосифомъ пришли,
Но отдохнуть имъ негдѣ было
И мѣстъ свободныхъ не нашли.
И вотъ, ихъ привели въ пещеру,
Гдѣ скотъ хозяйскій ночевалъ,
Но въ эту ночь она пустая —
И имъ пріютъ хозяинъ далъ.
И здѣсь свершилось предсказанье,
Въ пещерѣ — свѣтомъ озаренъ —
Явился намъ Спаситель міра,
Отъ Дѣвы Пресвятой рожденъ.
И Матерь Божія — Марія —
Съ любовію Его беретъ,
И въ ясли прямо на солому,
Запеленавъ Его — кладетъ.
Когда глаза на Мать Святую,
Младенецъ въ ясляхъ устремилъ,
То Онъ, въ отвѣтъ Своей улыбкѣ,
Ея улыбку получилъ.
И свѣтъ любви такъ ярко лился
Изъ глазъ младенческихъ на Мать,
Что свѣтло Іосифъ умилился,
Узрѣвши Божью Благодать.

А надъ пещерой Виѳлеема
Сіяла яркая звѣзда
И чуднымъ свѣтомъ озаряла,
Внизу лежащаго Христа.
И сонмы ангеловъ слетѣли
Съ высотъ небесныхъ въ дивный часъ —
И славословили, и пѣли
О Богѣ, возлюбившемъ насъ.

Кира Л.

Житіе св. Спиридона епископа Тримифунтскаго.

Память 12-го декабря.

Св. Спиридонъ родился на островѣ Кипрѣ. Родители его были простые люди, и самъ онъ былъ тихій, смиренный и простой. Въ дѣтствѣ онъ пасъ овецъ. Когда выросъ, женился, и были у него дѣти. Былъ онъ кротокъ и страннолюбивъ. Черезъ немного лѣтъ умерла его жена, и онъ сталъ еще усерднѣе работать Господу. Онъ помогалъ многимъ бѣднымъ. Онъ такъ угодилъ Богу, что сталъ исцѣлять больныхъ. Его поставили епископомъ въ гор. Тримифунтѣ.

Однажды наступила страшная засуха. На островѣ сдѣлался голодъ. Св. Спиридонъ помолился Богу — и тотчасъ же небо покрылось облаками и полилъ сильный дождь. Долго шелъ дождь. Святой опять помолился Богу, и проглянуло солнце. И Господь послалъ по молитвамъ св. угодника большой урожай. По Божьему попущенію, за грѣхи людей, вскорѣ опять случился голодъ. Одинъ крестьянинъ, знакомый святого Спиридона, пошелъ къ одному богатому человѣку, у котораго были полные амбары пшеницы, и сталъ просить взаймы зерна на пропитаніе своей семьи. Богачъ былъ скупой. Онъ сказалъ крестьянину: «Безъ золота не получишь ни одного зерна». Заплакалъ бѣдный крестьянинъ. Пошелъ онъ къ св. Спиридону. Святитель утѣшилъ крестьянина и отпустилъ его домой. На слѣдующее утро онъ самъ пришелъ къ крестьянину и принесъ ему кусокъ золота, чтобы бѣднякъ отнесъ его въ залогъ за хлѣбъ. Такъ крестьянинъ и сдѣлалъ. Когда же пришло жатвенное время, крестьянинъ возвратилъ богачу пшеницу, получилъ назадъ золото и принесъ св. Спиридону. Тотъ повелъ крестьянина въ свой садъ, положилъ на землю

кусокъ золота и сталъ молиться. Вдругъ, къ ужасу и удивленію крестьянина, золото задвигалось, стало живымъ, превратилось въ змѣю, которая уползла въ свою нору. Понялъ бѣднякъ, что чтобы дать ему залогъ для богача, превратилъ святой своею молитвою змѣю въ золото. Прославилъ онъ Господа и его великаго угодника.

Однажды одного друга св. Спиридона, невиннаго, осудили на смерть по клеветѣ злыхъ людей. Блаженный Спиридонъ поспѣшилъ къ другу своему, чтобы избавить его отъ смерти. Былъ въ то время разливъ рѣкъ, и потокъ, черезъ который долженъ былъ перейти св. Спиридонъ вышелъ изъ береговъ, уже нельзя было перейти черезъ него. «Остановись потокъ, сказалъ святой, я спѣшу къ своему другу, чтобы спасти его отъ смерти». Вода разступилась — и святой, точно по сухой дорожкѣ, перешелъ на другую сторону потока. Судья, который осудилъ его друга, узнавъ о великомъ чудѣ, которое совершилъ святой, тотчасъ же отпустилъ невиннаго человѣка.

У святого была дочь Ирина. Она умерла совсѣмъ молодой дѣвушкой. Вскорѣ послѣ ея смерти пришла къ св. Спиридону одна женщина. Плача, она стала говорить, что отдала Иринѣ на храненіе золотую вещь, а теперь не можетъ узнать, гдѣ ее хранила Ирина. Св. Спиридонъ все обыскалъ въ домѣ, но золотой вещи не нашелъ. Жаль стало ему опечаленной женщины. Онъ пошелъ на могилу дочери своей и спросилъ: «Дочь Ирина, гдѣ золотая вещь, которая была отдана тебѣ на храненіе?» И послышался голосъ Ирины, указывавшій мѣсто, куда она спрятала золотую вещь. Святой нашелъ вещь и отдалъ ее женщинѣ.

Однажды заболѣлъ царь Констанцій. Врачи не могли его вылѣчить. Сталъ царь молиться и Господь помогъ ему. Ночью явился царю Ангелъ и показалъ ему епископа, который можетъ исцѣлить его. Съ нимъ вмѣстѣ показалъ Ангелъ и ученика этого епископа, тоже будущаго епископа. Царь велѣлъ со всей вселенной собрать къ нему во дворецъ всѣхъ епископовъ. Повелѣніе царя дошло и до св. Спиридона, на островъ Кипръ. Св. Спиридонъ взялъ съ собою своего ученика Трифилія и поѣхалъ къ царю. Св. Спиридонъ вошелъ во дворецъ въ своихъ бѣдныхъ, скромныхъ одеждахъ. Въ рукѣ онъ держалъ жезлъ изъ финиковой пальмы. На груди у него висѣлъ сосудецъ глиняный, наполненный масломъ отъ Животворящаго Креста Господня. Царскій слуга подумалъ, что это нищій, замѣялся надъ нимъ. Онъ не позволялъ ему идти дальше и даже ударилъ святителя по щекѣ. Святой епископъ, смиренный и незлобивый, кротко обратилъ къ нему и другую щеку. Только теперь слуга замѣтилъ, что на нищемъ, хотя и бѣдныя одежды, но одежды епископа. Испугался слуга, устыдил-

ся и сталъ просить прощенія. Когда святого увидѣлъ царь, то тотчасъ же узналъ въ немъ того епископа, котораго онъ видѣлъ во снѣ. Узналъ и ученика его — Трифилія — будущаго епископа. Царь поклонился рабу Божьему и сталъ просить его со слезами, чтобы онъ помолился за него Богу и исцѣлилъ его. Св. Спиридонъ прикоснулся къ головѣ царя, и царь тотчасъ же выздоровѣлъ. Царь за исцѣленіе далъ ему много золота. Святой не хотѣлъ брать, но такъ какъ царь настойчиво просилъ его, то онъ взялъ немного золота и роздалъ нищимъ.

Когда святой вернулся къ себѣ домой, на островъ Кипръ, къ нему пришла женщина, держа на рукахъ свое мертвое дитя. Горько плача, положила она къ ногамъ святого ребенка. Святой сжалился надъ рыдавшей матерью, помолился и дитя воскресло. Отъ радости и страха — умерла мать. Опять святой помолился и сказалъ мертвой: «Встань». Мертвая ожила и встала.

Однажды одинъ человѣкъ купилъ у святого сто козъ, а заплатилъ только за девяносто девять — обманулъ блаженнаго епископа. Но Господь вскорѣ показалъ его обманъ. Когда человѣкъ вывелъ сто козъ изъ ограды, то сотая, за которую человѣкъ не заплатилъ, побѣжала обратно. Никакъ не могъ съ ней справиться обманщикъ и, наконецъ, взялъ ее къ себѣ на плечи. Коза стала кричать и бить рогами его голову. Св. Спиридонъ тихо сказалъ купцу: «Ты, вѣрно, за нее не заплатилъ, вотъ она и не хочетъ идти въ твой домъ». Стало стыдно обманщику. Онъ просилъ прощенія, заплатилъ за козу, и она кротко и мирно пошла въ домъ своего новаго хозяина.

Великъ былъ св. Спиридонъ. Однажды, когда онъ служилъ, въ церкви люди слышали ангельское пѣніе, такое прекрасное, что нельзя было словами описать. Другой разъ на вечерней службѣ въ церкви не хватило масла въ свѣтильникѣ. Скорбѣлъ святой, что можетъ прекратиться вечерняя служба, если погаснетъ свѣтильникъ. Господь утѣшилъ блаженнаго. Свѣтильникъ такъ наполнился масломъ, что оно переливалось черезъ край. Слуги церковные принесли сосуды и наполняли ихъ масломъ.

Велико было смиреніе святого и велика была его доброта. Святой самъ пасъ своихъ овецъ. Однажды ночью воры перелѣзли къ нему за ограду и украли нѣсколько овецъ. Господь сейчасъ же наказалъ злыхъ людей. Они не смогли сдвинуться съ мѣста. Такъ простояли они до утра. Утромъ святой, придя къ своимъ овцамъ увидѣлъ воровъ, наказанныхъ Богомъ. Онъ кротко поучалъ ихъ, наставляя ихъ, чтобы они не брали чужого, а добывали себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Незлобивый епископъ подарилъ имъ барана, говоря: «Возьмите его, не даромъ же вы простояли цѣлую ночь». Блаженный помолился, чтобы Господь про-

стилъ имъ ихъ грѣхъ, и они снова могли двигаться. Святой отпустилъ ихъ съ миромъ.

Одинъ купецъ часто бралъ золото въ займы у святаго. Когда купецъ возвращалъ деньги, то самъ клалъ въ ящикъ, гдѣ святой хранилъ золото. Блаженный никогда не провѣрялъ купца. Однажды купецъ обманулъ блаженнаго и не положилъ обратно золото. Господь наказалъ купца. Утаенное золото не только не принесло ему дохода, но разорило его. Онъ обнищалъ. Снова пришелъ купецъ къ святому, прося у него денегъ. Блаженный сказалъ ему, чтобы онъ взялъ золото изъ ящика самъ. Но ящикъ оказался пустымъ. «Если бы ты вернулъ золото, то теперь бы и нашелъ его», сказалъ ему св. епископъ. «Никто, кромѣ тебя не дотрагивался до этого ящика». Стыдно стало купцу, онъ раскаялся и сталъ просить прощенія. Блаженный простилъ его, кротко внушая ему впредь не обманывать людей.

Еще разсказываютъ о такомъ чудѣ, которое сотворилъ святой Спиридонъ.

Однажды онъ ночевалъ въ гостиницѣ. Злые люди, еретики, которые неправильно вѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, ненавидѣли святого. Они ночью отрѣзали головы его двумъ конямъ. Когда наступило утро, слуга увидѣлъ зарѣзанныхъ коней. Онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ св. Спиридону. Блаженный повелѣлъ слугѣ приложить отрѣзанныя головы къ шеямъ коней. Слуга, растерявшись приложилъ голову бѣлаго коня къ вороному, а вороного къ бѣлому. Кони ожили, и св. Спиридонъ отправился дальше въ путь свой. А люди только удивлялись, почему у вороного коня бѣлая голова, а у бѣлаго — вороная!

Незадолго до кончины блаженнаго, Господь явилъ великую милость, показалъ, какъ Ему угодилъ Его смиренный рабъ — св. Спиридонъ.

Въ жатвенное время, когда святой работалъ вмѣстѣ съ другими людьми — жалъ свое полѣ, вся голова его вдругъ покрылась прохладной росою. А былъ большой зной. Послѣ этого волосы его головы измѣнились: частью стали желтыми, частью черными, частью бѣлыми. Блаженный попробовалъ правою рукою свою голову, покрытую росою, и сказалъ, что скоро его душа разлучится съ тѣломъ. Черезъ нѣсколько дней святой тихо, праведно скончался на молитвѣ, предавъ свою чистую, кроткую, смиренную душу въ руки Божіи. Погребли его святое тѣло въ церкви св. апостоловъ въ гор. Тримифунтѣ. При гробѣ его совершались многія чудеса во славу дивнаго Бога, во святыхъ своихъ прославляемаго, Отца и Сына и Святаго Духа, Емуже и отъ насъ слава, благодареніе, честь и поклоненіе во вѣки . Аминь.

М. В.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

УРОКИ ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВІЮ

для лицъ, желающихъ принять священство.

Протопр. В. Бощановскаго.

ПАСТЫРЬ ВЪ ХРАМѢ, КАКЪ МОЛИТВЕННИКЪ И СТРОИТЕЛЬ ТАИНЪ БОЖІИХЪ.

Православный храмъ — мѣсто свято: это небо земное, это домъ благодатнаго присутствія Божія, мѣсто молитвъ и воздыханій, слезъ и духовнаго умиленія. Въ храмѣ пастырь, какъ нѣкій (по Златоусту) отецъ вселенной, возноситъ молитвы не только о себѣ и ближнихъ своихъ, не только за прихожанъ, но и за царя, за власти и за всѣхъ. Въ храмѣ, наконецъ, совершается во время литургіи величайшее изъ таинствъ — таинство Тѣла и Крови Христовыхъ. Какъ чисто должно быть здѣсь сердце пастыря, какъ возвышенъ его духъ, съ какимъ благоговѣніемъ онъ долженъ входить въ храмъ и вести себя въ немъ "Внимай себѣ, о іерее! — увѣщеваетъ "Книга", — и вспомни, что Моисей, когда взошелъ на гору дымящуюся, сказалъ о себѣ: пристрашенъ есмъ и трепетенъ. Ты же не къ горѣ осязаемой, но къ Сіонской горѣ, къ Судіи всѣхъ — Богу, къ Ходатаю Завѣта Новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей нежели Авелева, приступаеши (Евр. XII, 22-24). Сказано Моисею при купинѣ: Иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ: иззуй и ты сапоги страстей плотскихъ отъ души твоея, мѣсто бо на немъ же стоиши — свято есть. Благоговѣяше онъ предъ Бога: благоговѣй и ты, яко предъ лицемъ Бога стоиши. Исаія видѣ Господа и умилися(Гл. VI); Іезекеиль видѣ славу Господню и паде ницъ (Гл. II); Даніилъ такожъ видѣнію Господню сподобися, и падъ лежа на земли, въ страсѣ и трепетѣ былъ (Гл. X): сподобилъ же и тебе Христосъ Господь благодати священства сего, и удостоилъ служити жертвеннику славы Своея, убойся убо и ты, и буди припадая душею и тѣломъ и молися со умиленіемъ. Сей конецъ и намѣреніе рѣченныхъ примѣровъ послужатъ тебѣ къ пріуготовленію и служенію твоему, да и самый составъ молитвъ Божественной Литургіи Василія Великаго и Златоустаго Святого увѣряетъ тебе въ семъ и утверждаетъ, токмо ты внемли". — "Когда іерей, при совершеніи Божественной Литургіи, призываетъ Святаго Духа и, совершая страшную Жертву, часто прикасается къ общему всѣмъ Владыкѣ, — взываетъ Іоаннъ Златоустъ, — скажи мнѣ, съ кѣмъ на ряду мы поставимъ

его? Какой требуется отъ него чистоты и какого благоговѣнія! Подумай, какими должны быть руки, совершающія эту службу? Какимъ долженъ быть языкъ, произносящій такія слова! Кого чище и святѣе должна быть душа, пріемлющая такую благодать Духа! Тогда и ангелы предстоятъ священнику и цѣлый небесный сонмъ взываетъ и мѣсто вокругъ жертвенника наполняется ими, въ честь Возлежащаго на немъ. Если еще въ Ветхомъ Завѣтѣ было сказано: священницы, приступающіе къ Господу Богу, да освятятся, да не когда погубитъ отъ нихъ кого Господь (Исх. ??, 22): то что сказать о священникѣ Новаго Завѣта, совершающемъ величайшее Таинство Тѣла и Крови Христовыхъ." — Душа священника должна сіять подобно свѣту, она должна быть чище и свѣтлѣе лучей солнечныхъ. Тутъ невольно приходятъ на память слова, сказанныя батюшкой о. Іоанномъ Кронштадтскимъ своимъ собратьямъ — священникамъ: "Дорогіе братья, іереи и сопастыри стада Христова! Намъ ввѣрено отъ Бога величайшее служеніе. Мы облечены благодатію священства, мы уполномочены благодатію вседѣйствующаго и всеосвящающаго Духа Божія совершать величайшія Тайны Божія въ церкви — возрожденія и освященія грѣшнаго человѣчества, обновленія, примиренія себя и его съ Богомъ, мы предстоимъ Престолу Вседержителя лицомъ къ Лицу, бесѣдуемъ съ Нимъ, умоляемъ Его, прославляемъ и благодаримъ Его непрестанно обращаемся къ Нему, какъ ближайшіе "Его слуги и строители Тайнъ Его" (I Кор. IV, 1). Какая требуется отъ насъ вѣра — какое благоговѣніе, какое вниманіе къ себѣ непрерывное, какая чистота сердца, какое безстрастіе, какое упованіе на Бога, какая любовь къ Богу и ближнему, какое дерзновеніе, какая мудрость и простота, какое отрѣшеніе отъ всякаго зла — какое милосердіе и состраданіе къ людямъ, погрязающимъ во грѣхахъ!"

"Священникъ, живя на землѣ, долженъ быть небеснымъ, горняя мудрствующимъ, а не земная" (Кол. III, 2), и весь преданъ Богу и спасенію человѣковъ!"

Тѣмъ болѣе долженъ все это помнить пастырь чтобы онъ не только присутствуетъ въ храмѣ, но и является совершителемъ церковныхъ богослуженій, которыя въ своемъ составѣ являются сѵмволическимъ изображеніемъ всеспасительныхъ дѣйствій Промысла Божія въ мірѣ, а самъ священникъ — пастырь нерѣдко является сѵмволомъ Самого Господа Христа, дѣйствующаго въ мірѣ и присутствующаго въ храмѣ. Поэтому служеніе въ храмѣ — это, дѣйствительно, какъ бы нѣкое прохожденіе предъ Лицемъ Самого Бога, это поистинѣ служеніе "въ свѣтѣ Лица Твоего", это поистинѣ возношеніе ума и сердца своего горѣ — въ область небеснаго міра. Это молитвы и моленія, творимыя пастыремъ лицомъ къ Лицу къ Богу о всемъ мірѣ, о всей Церкви — видимой и невидимой, о всѣхъ ея членахъ живыхъ и умершихъ. Какое дерзновеніе и какое должно быть горѣніе сердца и возвышенность духа, чтобы стать на такое служеніе! Если ангелы со страхомъ и трепетомъ принимаютъ участіе въ нашемъ храмовомъ богослуженіи, то что должно сказать о пастырѣ — обычномъ че-

ловѣкѣ! Вотъ почему священникъ, приступающій къ совершенію богослуженія, долженъ внимательно и усердно готовить себя къ этому служенію, чтобы потомъ, вступивъ въ храмъ и собравъ всѣ свои духовныя силы, отдать все свое вниманіе молитвѣ и Богу.

Какъ долженъ готовиться пастырь къ богослуженію? Ясный и простой отвѣтъ даетъ приснопамятный батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій. На вопросъ: какое вы молитвенное правило исполняете предъ совершеніемъ Литургіи? Батюшка отвѣтилъ: "Въ данномъ случаѣ я выполняю обыкновенное правило, положенное Церковью для приступающихъ къ святому причащенію; въ случаѣ же совершенной невозможности выполнить правило, по недостатку ли времени, или по другимъ причинамъ, я правило сокращаю, но молитвы предъ святымъ причастіемъ прочитываю всегда неизмѣнно. При этомъ я руководствуюсь тѣмъ соображеніемъ, что Богу отъ насъ нужны и пріятны не многочисленныя слова и молитвы, а внимательное и усердное, отъ всей души приносимое моленіе. Поэтому лучше малое количество молитвъ прочесть съ полнымъ вниманіемъ и сердечнымъ умиленіемъ, чѣмъ много съ поспѣшностью и разсѣянностью. Но особенно сильно возвышаетъ меня и молитвенно настраиваетъ предъ совершеніемъ Божественной Литургіи чтеніе каноновъ на утрени. Каноны на утрени я всегда читаю самъ. Помнить нужно всегда и то: "Священникъ, живя на землѣ, долженъ быть небеснымъ, горняя мудрствующимъ, а не земная". Гдѣ намъ взять все это, откуда почерпнуть такую обильную благодать? Богъ далъ намъ всякую благодать. Мы должны непрестанно испытывать себя, пробуждать себя отъ усыпленія, которымъ врагъ старается непрестанно окрадывать насъ; должны "возгрѣвать даръ Благодати Божіей", данный при рукоположеніи — должны быть день и ночь на стражѣ и себя и своихъ паствъ. Мы облечены благодатію священства, благодатію ходатайства за народъ и за весь міръ, благодатью совершать великія христіанскія Таинства, которыя сильно могутъ содѣйствовать и нашему спасенію, умудренію, укрѣпленію духа и тѣла и спасенію нашихъ близкихъ. Святые были подобострастные намъ люди, но спасались сами и спасли многихъ послушныхъ имъ людей. Спасаемся и мы сами и другихъ спасаемъ, если будемъ ревнительны: "Ибо Самъ Духъ Святый ходатайствуетъ о насъ, воздыханіями неизглаголанными" (Рим. VIII, 26).

Послѣ всего вышесказаннаго, понятно, почему храмъ является лучшимъ мѣстомъ для произнесенія церковныхъ поученій — проповѣдей. Проповѣдь, произнесенная въ храмѣ, гдѣ совершается величайшее христіанское Таинство Тѣла и Крови Христовыхъ, произносится какъ бы предъ Лицемъ Самого Господа и во имя Господа. Сознаніе этого чрезвычайно важно и для проповѣдующаго пастыря и для слушателей. Гдѣ же и когда удобнѣе всего говорить о безграничной любви и милосердіи Бога къ роду человѣческому, какъ не въ храмѣ, въ которомъ во время Божественной Литургіи приносится всесвятая, всеспасительная, искупительная Жертва за родъ человѣческій и весь міръ Самимъ Господомъ Христомъ при содѣйствіи пастырей Церкви?

Какова же должна быть церковная проповѣдь? Пастырь есть служитель Слова и благовѣстникъ Правды Божіей. Вотъ это Слово Божіе и Правду, принесенную на землю и возвѣщенную всему міру воплотившимся Сыномъ Божіимъ, а теперь хранимую и проповѣдуемую святой Соборной и Апостольской Церковью, и долженъ проповѣдывать пастырь въ своихъ поученіяхъ, но, конечно, имѣя въ виду, внутреннее настроеніе своей паствы, ихъ нужды духовныя: только тогда проповѣдь будетъ имѣть должное вліяніе. О проповѣди, ея содержаніи и цѣляхъ будетъ сказано особо. Теперь же постараемся отвѣтить на вопросъ, нужна ли вообще церковная проповѣдь? Ибо существуетъ возраженіе, что церковная проповѣдь есть одно говореніе, которое не имѣетъ ни какого значенія въ смыслѣ воздѣйствія на нравственный подъемъ молящихся въ храмѣ.

Возраженіе сводится къ двумъ положеніямъ: 1) Значитъ, всѣ средства къ воздѣйствію на нравственное состояніе вѣрующаго, сводятся только къ говоренію? 2) Поучать народъ, который не любитъ слушать проповѣди и, когда проповѣдующій появляется на амвонѣ, уходитъ изъ храма — безполезно.

Отвѣтъ на эти возраженія даетъ приснопамятный митрополитъ Антоній: "Да, — отвѣчаетъ глубокочтимый архипастырь, — все наше воздѣйствіе на нравственное состояніе паствы сводится къ говоренію и примѣру. Иначе для чего бы называть пастырей служителями Слова (Лук. I), а пастырство — служеніемъ Слову (Дѣян. VI, 4)? И кто не вѣритъ въ силу слова, тотъ прекрасно сдѣлаетъ, если будетъ бѣжать отъ пастырскаго служенія, какъ отъ пожара".

На второе положеніе приснопамятный архипастырь отвѣчаетъ: "Говорить ли при этомъ о томъ, какъ современное Русское общество и народъ уважаютъ убѣжденное слово? и что — общество и народъ различаютъ священниковъ не по степени ихъ образованія и не по положенію ихъ въ епархіальной іерархіи, а различаютъ на проповѣдующихъ и молчащихъ? Проповѣдникъ, мало мальски проникнутый жаромъ убѣжденія и искренности, принимается обществомъ какъ пророкъ; послѣ старцевъ, онъ есть второго рода служитель вѣры, предъ которымъ забываются чины и возрастъ и каждый чувствуетъ себя только міряниномъ и ученикомъ. Это уваженіе и послушаніе возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ исключительнѣе пастырь опирается въ своихъ дѣйствіяхъ на силу благодатнаго слова, чѣмъ менѣе соглашается пускать въ ходъ свои государственныя полномочія. Говорятъ, что у насъ не слушаютъ проповѣдей: но это совершенная неправда; лишается вниманія не проповѣдь слова Божія, проникающая во внутреннее настроеніе паствы и умѣющая угадать послѣднее и указать отъ него путь ко Христу, не проповѣдь, слѣдовательно, лишается вниманія, но словоизверженіе съ церковной каѳедры и при томъ часто такое, котораго и разслышать невозможно".

Митрополитъ Антоній правъ. Милостію Божіею я шестьдесятъ третій годъ проповѣдую. Проповѣдывалъ я въ Россіи, проповѣдывалъ въ Югосла-

віи, проповѣдывалъ въ Австріи и Германіи и вотъ теперь двѣнадцать лѣтъ проповѣдую въ Америкѣ; проповѣдывалъ въ приходскихъ храмахъ, проповѣдывалъ въ учебныхъ заведеніяхъ, проповѣдывалъ на военныхъ корабляхъ, проповѣдывалъ на полѣ брани, проповѣдывалъ во многихъ различныхъ общественныхъ собраніяхъ — никогда я не оставался безъ слушателей. Поэтому, если иногда предъ проповѣдью изъ храмовъ и уходятъ нѣкоторые, то уходятъ только тѣ, которымъ въ храмѣ вообще нечего дѣлать. Толпа же ближе подвигается къ проповѣдующему, чтобы слышать каждое его слово, и нерѣдко слезно тутъ же и благодаритъ проповѣдника за данное духовное утѣшеніе. Это мой личный опытъ — пастыря, такъ сказать , провинціальнаго. А вотъ свидѣтельство батюшки Всероссійскаго о. Іоанна Кронштадтскаго. "За каждой воскресной Литургіей я проповѣдую живое слово Божіе, — говоритъ глубокочтимый Батюшка о. Іоаннъ, — въ моихъ поученіяхъ изображается моя внутренняя жизнь, моя душа: я безпощадно караю грѣхи, пороки и страсти человѣческія, обличаю заблужденія сектантовъ и раскольниковъ. Благодареніе Богу — я самъ вижу плоды своихъ пастырскихъ трудовъ. Въ Андреевскомъ соборѣ, а онъ большой, народу бываетъ тысячъ до пяти, и все это множество слушаетъ меня, какъ одинъ человѣкъ, никакого шума, толкотни, глаза всѣхъ устремлены на меня. Когда я выхожу изъ храма, меня съ любовью окружаетъ народъ, всѣ съ сіяющими лицами, у всѣхъ видно благодатно-радостное настроеніе. Все это — плоды моей молитвы и проповѣди".

О той же любви къ церковной проповѣди свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ выслушивали тысячныя толпы Русскихъ православныхъ паломниковъ, когда къ нимъ обращались въ лаврахъ — Кіево-Печерской, Почаевской, Троице-Сергіевой — проповѣдники со Словомъ Божіимъ. Никто не уходилъ отъ этого слова, всѣ слушали, и это слово глубоко западало въ ихъ сердца, давая имъ и утѣшеніе и ободреніе на дальнѣйшую ихъ не легкую, трудовую жизнь.

ПРОПОВѢДЬ.

Проповѣдь,какъ живое слово пастыря, является въ наше время необходимой частью церковнаго богслуженія. Она произносится иногда послѣ чтенія Апостола и Евангелія, или послѣ запричастнаго стиха, или, наконецъ, послѣ окончанія Литургіи, предъ самымъ отпустомъ. Но такъ было не всегда; въ нашей русской древности проповѣдь была совершенно вытѣснена такъ называемыми "гомиліями", т. е. бесѣдами, изъясняющими смыслъ прочитаннаго Слова Божія. Только со временъ патріарха Никона снова стала вводится у насъ живая проповѣдь.

Въ дальнѣйшемъ, церковная проповѣдь прочно вошла въ церковный обиходъ. О гомиліяхъ почти забыли, онѣ остались принадлежностью только монастырскаго обихода.

О необходимости церковной проповѣди, съ особой настойчивостью и рѣшительностью говорятъ Парѳеній, епископъ Смоленскій, и митрополитъ Филаретъ.

Парѳеній, епископъ Смоленскій, требовалъ: "Если кто не станетъ прочитывать проповѣдей и на богомольи не будетъ наставлять простолюдиновъ, то, въ силу правилъ святыхъ отецъ, не только мѣста, но и степени священства лишенъ быть имѣетъ". Онъ рекомендуетъ выписывать проповѣди изъ книгъ — тетрадей, и благочиные обязуются провѣрять наличіе такихъ тетрадокъ и рапортовать о томъ. При поставленіи во священники и діаконы предписывалось отъ нихъ требовать: читать по церковнымъ и гражданскимъ книгамъ, произносить проповѣди, знать Законъ Божій, Священное Писаніе и нотно-церковное пѣніе.

Митрополитъ Филаретъ въ одной изъ своихъ резолюцій отъ 15 марта 1822 г. писалъ: "Онъ (одинъ изъ Московскихъ протоіереевъ) имѣетъ большую нужду въ добрыхъ совѣтахъ цензора; подтвердить ему, чтобы впредь проповѣди свои цензору представлялъ и совѣты его принималъ, а съ своей стороны — старался составлять поученія правильныя, вразумительныя и назидательныя, чаще пользуясь свидѣтельствами и выписками изъ Святыхъ отецъ, когда собственное мудрованіе мало удавалось". Въ другой резолюціи тотъ же Филаретъ, по вопросу о назначеніи на открывшуюся вакансію священника, отказываетъ одному изъ соревнующихъ діаконовъ потому, что этотъ діаконъ два года сряду мало говорилъ проповѣдей и причины сему никакой не представлено.

Изъ временъ позднѣйшихъ, замѣчательны слова Архіепископа Воронежскаго Антонія. Однажды онъ спросилъ нѣкоего настоятеля монастыря, читаются ли поученія въ церкви; тотъ отвѣтилъ, что читаются, когда много народа. Владыка на это далъ разъясненіе: "Должно читать ежедневно поученія, хотя бы десять человѣкъ въ церкви было, хотя бы одинъ. И одинъ, съ любовію и желаніемъ принявшій Слово Божіе, можетъ другимъ оное передать, можетъ и самъ спастись и ближнихъ своихъ назидать, располагая ихъ къ исполненію дѣлъ благоугодныхъ и обществу полезныхъ".

Съ особой рѣшительностью высказался о дѣлѣ проповѣдничества Московскій Соборъ, вынесшій о томъ особое постановленіе 4 декабря 1917 года. Въ немъ было засвидѣтельствовано, что церковная проповѣдь, по ученію Слова Божія, по церковнымъ законамъ, а равно и указаніямъ церковнаго Устава, является одною изъ главнѣйшихъ обязанностей пастырскаго служенія и должна раздаваться возможно чаще какъ за общественнымъ богослуженіемъ, такъ и во внѣбогослужебное время, обязательно же въ воскресные и праздничные дни или по особымъ обстоятельствамъ жизни Церкви, общества и государства. Для напоминанія объ этомъ Соборъ предписалъ печатать въ новыхъ изданіяхъ іерейскаго служебника и чиновника архіерейскаго правила церковныхъ каноновъ о проповѣди съ такимъ разъясненіемъ:

"Аще епископъ или пресвитеръ Божественную Литургію совершаетъ во дни воскресные или праздничные, не проповѣдуя Слова Божія, или сослужащимъ не поручая проповѣдати, и тако являетъ нерадѣніе о причтѣ и людѣхъ, тяжко согрѣшаетъ, опечаливаетъ бо Христа, пастырямъ Церкви Своея заповѣдавшаго проповѣдати Евангеліе, небрежетъ же и гласа Апостольскаго, глаголющаго: "Внимай себѣ и ученію и пребывай въ нихъ, сія бо творя, и самъ спасешися и послушающихъ тебе" (I Тим. IV, 16), забываетъ и святыхъ отецъ, пастырей и учителей Вселенскія Церкви завѣты. Послѣдующе же Христа Пастыреначальника и святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ образцу, благовѣствующіи да будутъ епископы и пресвитеры Православной Церкви Россійскія проповѣдницы богоносніи, утѣшающіи въ здравомъ ученіи противящихся, обличающіи и не токмо во дни воскресные и праздничные, яко же выше рѣчеся, но и по вся дни да проповѣдятъ Слово Божіе, и не токмо во время Божественной Литургіи, но аще возможно — и прочихъ службъ и требъ. Такождѣ и во ино время благопріятно паству свою на слышаніе Слова Божія да глашаютъ".

Увы, было уже поздно. Волки въ овечьей шкурѣ глубоко проникли въ ограду церковную и, обольстивъ стадо Христово лестью ложныхъ обѣщаній и наглымъ обманомъ, оторвали его отъ Церкви, увлекая на путь глубокихъ паденій и невыразимыхъ страданій, длящихся вотъ уже сорокъ тригода.

Но возвратимся къ своей темѣ. Вопросъ о необходимости церковной проповѣди выясненъ окончательно. Никакихъ колебаній, въ этомъ отношеніи, не было и нѣтъ. Теперь остается выяснить вопросъ, каковой долна быть церковная проповѣдь по своему содержанію, качествамъ и цѣлямъ.

Если главная цѣль церковной проповѣди состоитъ въ духовномъ пробужденіи нашей совѣсти и направленіи ея на путь духовно нравственнаго возрожденія и совершенствованія въ цѣляхъ достиженія вѣчнаго блаженства, то должно знать, что живить и духовно пробуждать насъ можетъ только Небесная Истина, возвѣщенная міру воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Но такъ какъ познать ее безъ проповѣдующаго нельзя, то долженъ быть и послѣдній и слова его должны быть живыми, пламенными и убѣдительными. Все это можетъ быть только тогда, когда проповѣдникъ вѣритъ въ то, что онъ говоритъ. Больше: когда любитъ то, о чемъ онъ проповѣдуетъ, и считаетъ возвѣщаемое имъ дѣйствительно полезнымъ и спасительнымъ для духовнаго возрожденія вѣрующихъ. Въ этомъ онъ убѣжденъ не только умомъ, но и сердцемъ своимъ.

Поэтому, движимый любовію къ ближнему — брату своему и опаляемый огнемъ постигнутой имъ истины, онъ пытается привлечь вниманіе брата къ проповѣдуемой имъ истинѣ, принять ее не столько умомъ, сколько сердцемъ, и утвердивъ ее въ своемъ сознаніи, сдѣлать ее путеводительной звѣздой къ своему духовному возрожденію и совершенствованію.

Такимъ образомъ, церковная проповѣдь не есть какая-то отсебятина, а есть поученіе, полагающее въ свою основу Евангельскую Небесную Исти-

ну. Не является она и какимъ-то отвлеченнымъ богословскимъ трактатомъ или урокомъ по катехизису, а есть свободное, но пламенное по духу изложеніе пастыремъ своихъ мыслей чувствъ и желаній, пытающимся передать другому то, что имъ хорошо испытано, вѣрой воспринято и одобрено, что само по себѣ возвышенно, свято и спасительно.

Церковная проповѣдь — это подлинное вдохновеніе, идущее изъ глубинъ оплодотвореннаго благодатію Святаго Духа сердца проповѣдника. Чѣмъ пламеннѣе проповѣдникъ, тѣмъ дѣйственнѣе его слово. Горѣніе духа, вдохновеніе нигдѣ такъ не требуется, какъ въ церковной проповѣди. Иначе, проповѣдь обращается въ кимвалъ звучащій и мѣдь звенящую (I Кор. XIII, 1). Ни къ кому такъ не приложимы слова тайнозрителя Іоанна Богослова: "О, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ, но такъ какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ — извергну тебя изъ устъ Моихъ" (Ап. III, 15-16). Такая проповѣдь требуетъ прилежнаго и постояннаго изученія Слова Божія въ его святоотеческомъ истолкованіи и искренней любви пастыря къ своей паствѣ, хорошаго знанія ея жизни, ея нуждъ, ея духовныхъ настроеній. Ибо только вѣра въ Бога и въ Его всеспасительную Истину и крѣпкое желаніе быть пастыремъ, а не простымъ наемникомъ, дѣлаетъ возможной такую проповѣдь. Значитъ къ церковной проповѣди надо серьезно и хорошо готовиться. Какъ?

Учитель краснорѣчія классической древности Квинтиліанъ говорилъ: "Если кто говоритъ не приготовившись — это неуваженіе и невниманіе къ другимъ". "Если кто говоритъ не вдумавшись — это легкомысліе, недостойное мужа, это дерзость, подлежащая наказанію". Такъ должно быть вообще, и это правило не должно забывать и въ церковной проповѣди. Значитъ, скажутъ — проповѣдникъ долженъ заботиться о формѣ, о краснорѣчіи своей проповѣди, и краснорѣчіе, такимъ образомъ, дѣлается цѣлью церковной проповѣди? Нѣтъ. Не о краснорѣчіи здѣсь идетъ рѣчь, а о подготовкѣ къ рѣчи. Если это важно вообще, то церковная проповѣдь не является въ этомъ случаѣ исключеніемъ. Краснорѣчіе же, по словамъ блаженнаго Августина, должно слѣдовать за мыслью проповѣдника, какъ послушная раба, не будучи нисколько звана къ ней. Краснорѣчіе, иными словами, не цѣль, а средство. Кто желаетъ нравиться людямъ, тотъ перестаетъ быть служителемъ истины. Говоря объ этомъ, св. Григорій Двоесловъ развивалъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: "Тотъ врагъ Искупителя, кто добивается, хотя бы и хорошими средствами, быть любимымъ Церковью вмѣсто Него. Это было бы то же самое, если бы какой отрокъ, черезъ котораго женихъ передаетъ подарокъ своей невѣстѣ, вздумалъ бы предательски привлечь сердце ея и обольстить ее".

Нѣтъ, не о краснорѣчіи въ своей проповѣди, въ своей рѣчи долженъ заботиться пастырь, а томъ, чтобы мысли въ его проповѣди были какъ можно яснѣе и очевиднѣе. Это качество требуетъ отъ пастыря серьезной подготовки къ проповѣди. Въ чемъ же она должна состоять?

Прежде всего нужно найти тему для проповѣди. Для этого необходимо

заранѣе внимательно прочитать Евангельское и Апостольское благовѣстіе, положенное Церковью на тотъ день, когда надлежитъ произнести проповѣдь. Прочитанное нужно хорошо продумать, довести его до серца своего, "сварить", по выраженію святаго Тихона Задонскаго, и солею разума растворить. При такомъ внимательномъ отношеніи къ слову Божію, поднимается такое богатство мыслей, богатство основоположеній для проповѣди, что никакому проповѣднику не исчерпать открывшейся глубины Божіей. Избери изъ нихъ одну и сдѣлай ее темой своей проповѣди. Таково начало. Потомъ позадумайся надъ избранной темой, обсуди ее со всѣхъ сторонъ, согрѣй ее теплотой своего любящаго Небесную Истину сердца, уясни себѣ, какая мысль заключается въ темѣ и какое назиданіе можно извлечь изъ нея какъ для себя лично, такъ и для своей паствы. Поработай такъ день, два, а можетъ быть и болѣе. Это полезно, это путь къ богомыслію, и такое обдумываніе темы въ нѣкоторомъ смыслѣ замѣнитъ тебѣ тотъ дневникъ, который ежедневно велъ Батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій. Не плохо будетъ прочитать въ это время поученіе на подобную же тему какого либо другого проповѣдника. Сначала трудно будетъ, но не смущайся, дорогой собрать, помолись Богу и потрудись. Богъ добрымъ труженикамъ въ помощи не отказываетъ. Вотъ такъ выношенное, выстраданное и вымоленное у Бога слово, несомнѣнно, по своемъ произнесеніи, дастъ добрый плодъ. Объ этомъ подскажетъ тебѣ, прежде всего, совѣсть твоя, а можетъ быть и голосъ паствы твоей. Таковъ нашъ личный опытъ, но, думаю, таковъ и общецерковный опытъ. Послушаемъ, что говоритъ по данному вопросу приснопамятный митрополитъ Филаретъ Московскій. "Церковныя поученія должны быть заблаговременно сочиняемы, потому что всего предпочтительнѣе — осторожность и предупредительность въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ малѣйшее небреженіе влечетъ за собой гибельное послѣдствіе . . . и когда представимъ себѣ сіе, то, конечно, не удивимся, ежели и искуснѣйшій не осмѣливается произнести ничего такого, что не приготовлено имъ предварительно со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ и что не провѣрено не только собственнымъ разсужденіемъ, но даже и сужденіемъ многихъ".

Тотъ же митрополитъ предостерегаетъ пастыря отъ нарочитаго приспособленія къ слушателямъ. "Когда писатель или наставникъ говоритъ простолюдинамъ правильнымъ, степеннымъ языкомъ, — пишетъ митрополитъ Филаретъ Московскій, — они чувствуютъ себя ниже его и располагаются ко вниманію и уваженію, а когда поддѣлывается подъ ихъ грубое, изломанное нарѣчіе, тогда они видятъ его ниже себя, потому что подражательность ниже подражаемаго ,и вниманію ихъ представляется не возвышенная идея, а пошлый видъ актера, представляющаго ихъ бытъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).